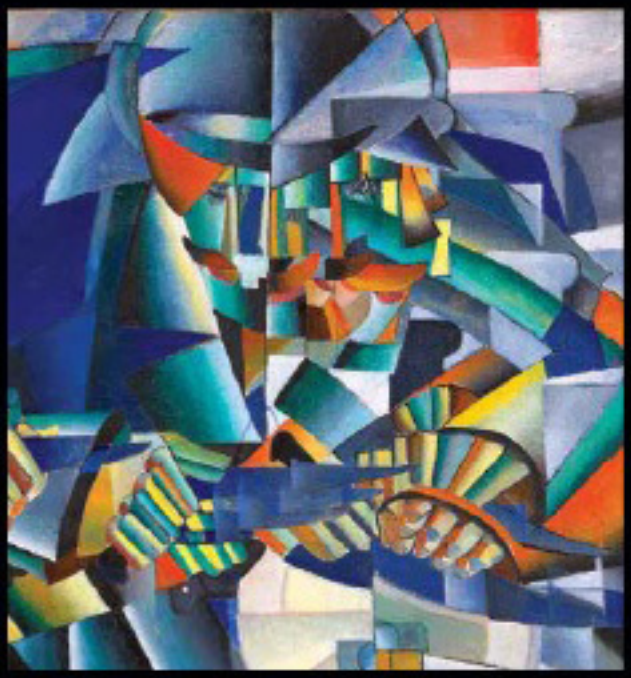
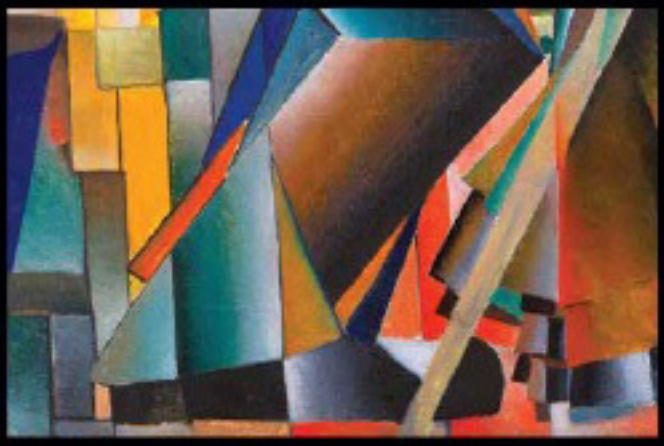
МИХАИЛ ГЕФТЕР

В РАЗГОВОРАХ с ГЛЕБОМ ПАВЛОВСКИМ



НЕОСТАНОВЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1917



100 ЛЕТ

В СТА ФРАГМЕНТАХ

Михаил Гефтер

1917. Неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. Разговоры с Глебом Павловским

«Европа»

2017

УДК 308
ББК 63.3(2)6

Гефтер М. Я.

1917. Неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. Разговоры с Глебом Павловским / М. Я. Гефтер — «Европа», 2017

ISBN 978-5-9739-0223-0

Эта книга бесед политолога Глеба Павловского с выдающимся историком и философом Михаилом Гефтером (1918–1995) посвящена политике и метафизике Революции 1917 года. В отличие от других великих революций, русская остановлена не была. У нее не было «термидора», и, по мысли историка, Революция все еще длится. Участник событий XX века, Гефтер относил себя к советскому «метапоколению». Он трактует историю государственного тела России как глобального по происхождению. В этом тайна безумия царя Ивана Грозного и тираноборцев «Народной воли», катастрофы революционных интеллигентов и антиреволюционера Петра Столыпина. Здесь исток харизмы и политических технологий Владимира Ульянова (Ленина). Коммунистическая революция началась в Петрограде Серебряного века и породила волну мировых последствий – от деколонизации до Гитлера и от образования антифашистской Европы до КНР Мао Цзэдуна. Но и распад СССР ее не остановил. В тайне неостановленной Революции Михаил Гефтер находил причины провала проекта российского национального государства 1990-х годов и даже симптомы фашизации. Автор глубоко признателен Institut für die Wissenschaf en vom Menschen в Вене за волнующую атмосферу точного мышления и научному сотруднику IWM Ивану Крастеву за проницательное обсуждение идей этой книги.

УДК 308

ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-9739-0223-0

© Гефтер М. Я., 2017
© Европа, 2017

Содержание

От составителя 7
«Я марсианин». Революционное метапоколение 10
Часть 1. Революция и ее остановка 14
1. Революция глазами марсиан. Причина революции – незаданный Мир. Подрыв заданности 14
2. Вторичная заданность революций. Бухарин на Лубянке 16
3. Неутопический утопист как порода. От Homo novus к оборотням революции 17
4. Определение революций. «Черный ящик». Сотворение врагов и отказ от лояльности 18
5. Революция аномальна. Как ее останавливают? Термидорианцы и имперские нации 20
6. Октябрьская революция никогда не была остановлена. Русская проблема нормы. Ряд Утопия – Революция – История – Человечество 22
7. Изобретение смерти. Человек-убийца и его презрение к смерти. Рахметов, Ленин, Сталин 25
Часть 2. Русский пролог в пространстве экспансии 26
8. Орда – основоположница евразийской государственности. Пространство экспансии 26
9. Опричный царь. Управление охолопливанием. Рождение мирового негосударства 27
10. Ренессанс рабства. Холопские инновации 29
11. Форсирующая власть-гибрид. Самодержавная модернизация 30
12. Царь Петр и его модель. Империя распоряжаемых душ. Рабовладелец-европеизатор 31
13. Декабристы в семейном споре с империей. Антисамодержавный европеизм. Пестель: проект термидорианской революции 33
14. Пестель против Петра. Царь Николай, душеприказчик повешенных. Идея «второго Петра» – прообраз партии-авангарда 36
Часть 3. Кейс «русский XIX век» 38
15. Речевая революция XIX века. Дружеская переписка о Боге и пустяках. Русское слово стало поступком: Чаадаев и Герцен 38
16. Чаадаев ставит русский вопрос. Из невозможности – к соавторству Богу. Предреволюция одиночки 40
17. Страшная близость декабристов к народу. Два рабства, вертикальное и горизонтальное 42
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Михаил Гефтер
1917. Неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. Разговоры с Глебом Павловским

© Издательство «Европа», 2017

* * *

От составителя

Этим – четвертым – сборником моих записей я думал было завершить публикацию разговоров с Михаилом Яковлевичем Гефтером[1], но встретил два препятствия. Первое: некоторые записи расширяют ранее опубликованные, и их уместно соединить в один сюжет. Но тогда надо заново пересмотреть прошлые публикации – трудоемкая задача, я к ней пока не готов. И главное: в новых записях разговоров о 1917 годе открылся забывшийся поворот сюжета – гефтеровская идея *неостановленной Революции*. Я поражен, как прочно забыта эта его важная мысль. (Не она ли в оранжевые дни Украины вырвалась из моего бессознательного глупейшим призывом «дать революции в морду»?)

Говоря о неостановленной революции, Гефтер скрыто цитирует название известной книги Исаака Дойчера *The Unf nished Revolution*. Но у Дойчера речь о *неоконченной* – дьявольская разница! Нескончаемой стремится быть всякая революция, проблема по Гефтеру в другом: кто ее остановит и удалось ли это ему? Уходящий историк думал, что России не удалось. Более того, и в 1994 году он полагал, что Революция 1917-го все еще *остается* неостановленной. И я решил собрать книгу вокруг этой проблемы.

Сюда не включены те гефтеровские диалоги об Октябре, что опубликованы мной ранее (среди них есть истинно великолепные). Пунктир фрагментов объединен одной мыслью-вопросом Гефтера: *почему русская Революция не завершилась*? Это связано со вторым вопросом: *как вообще она могла сбыться?* Мужицкая мировая коммунистическая Революция в городе Петрограде, метрополии Серебряного века!

Во втором десятилетии XX века настал судный час континентальных империй. Российская империя шла повторить судьбу сестер – дуалистической Австро-Венгрии, рейха Гогенцоллернов и Османской империи. Но случилось нечто *непредуказанное* (термин Гефтера): пространство империи спаслось от распада, хоть и ценой империи. Русский мировой коммунизм – утопия открыла большевизму путь к сотворению Советской России. Небывалое русское государство возникло в оболочке глобалистской утопии, надорвалось, и его захватил Сталин. Имперская революция «*в отдельно взятой стране*» – монополия на власть, поддержанная ленинской новацией введения массы во власть.

Ге фтер не утверждал, что русская Революция какая-то неправильная, в отличие от «нормальных», – это мы обманулись иллюзией однократности. Революции не останавливаются, пока не предъявлена альтернатива *нормальности – Термидор*. Революция все обращает в ресурс чего-либо – ресурс утопии, ресурс процесса реформ, ресурс русского мира. И повседневная жизнь в ней тоже лишь ресурс. Нормальное взламывают ради нового, всегда «великого» и «мирового». Институты подменяют проектами – и nation building становится невозможным.

В каждой революции есть тенденция *не прекращаться*, проваливаясь к темным основаниям Homo historicus. Но произошло это только однажды в России. Жаловаться нелепо, и некому оплакивать дворянские поместья, где росли Ульянов, Набоков и Софья Перовская, с половиной отцов русской классики. Владимир Ульянов (Ленин) задумывал *остановить* Октябрьскую революцию, но не довел до конца скандально термидорианский проект. По Гефтеру, *«самотермидорианец»* Ленин пришел перед смертью *«к идее освободить людей от Революции»*. Но не успел, и навряд ли смог бы. По его смерти все, от палача-душеприказчика

[1] «Тренировка по истории. Мастер-классы Гефтера» (2004), «1993: элементы советского опыта. Разговоры с Михаилом Гефтером» (2014), «Третьего тысячелетия не будет. Русская история, игры с человечеством. Михаил Гефтер в разговорах с Глебом Павловским» (2015).

Сталина до мужицкого мстителя Ельцина, искали, чем *ее* остановить. Национал-большевизм Дзержинского и Бухарина, «кировская» нормализация 1934–1936 годов и даже ежовщина были попытками термидора, однако сталинские термидорианцы всякий раз попадали в рабство к Революции. Из революционной материи Сталин воздвиг всемирную державу, которая поэтому не стала ни национальным государством, ни второй Российской империей.

Сталин сдерживает и консервирует Революцию *«в модусе ее самоувековечивания. Когда революция уже не освобождает раба, а творит анти-Мир»*. Ответом на это извне пришел гитлеровский термидор плана «Барбаросса». Вторжение 1941 года – решительнейшая из всех попыток раздавить Революцию. Гитлер шел заканчивать большой сталинский террор и был уверен, что для этого ему хватит танкового coup de grace. Но русская Революция победила и тут: *«Что теперь могло ее остановить?»* – спрашивает Гефтер. Сдерживание Революции теперь неминуемо становилось целью послевоенного международного порядка. Родилась холодная война.

Эти размышления Гефтера инициировали ельцинские расстрелы: «*Октябрь без термидора»* еще раз вернулся в Россию 1993 года. Возникнув в те дни, сюжет Революции, не остановленной им, скорей был назван, чем развернут. Он переплетен с иными темами, волновавшими Гефтера под конец. Еще с прошлой книги я начал удалять из записей большинство чужих реплик и комментариев, включая свои. В жизни гефтеров ipsissime vox прерывался нашей злободневной политической болтовней. Храня речевую интонацию его мышления, я не забочусь, в каком из разговоров это рассуждение или реплика прозвучали, но сохраняю сложный ход его мыслей. (Немногие исключения – фрагмент 93, где я излагаю Михаилу Яковлевичу идею безальтернативности из статьи о «беловежском человеке» для сборника «Иное». И наш важный разговор о «генетической вмятине», он вынесен в приложение.)

От первой постановки вопроса о встрече Революции и России разговор ведет к истории возникновения Ленина из Ульянова, в его внутреннем диалоге с Чернышевским. Любимый XIX век Гефтер видел осевой эпохой русского *мыслящего движения* – антирабского, освободительного, сейчас бы сказали – либерального. Но освободительная харизма XIX века подытожилась харизмой лидера большевизма.

Рассуждение о роли *протагониста* в истории дано здесь лишь применительно к А. Д. Сахарову (фрагменты, трактующие тот же сюжет в связи с Гамлетом, в этот сборник не поместились). Они переходят в тему русской интеллигенции, чью катастрофу Гефтер тяжко переживал в 1993–1995 годах. То, что он обсуждал ее и со мной, не отменяет факта, что бедственные симптомы он усматривал во мне также.

Тема исторической *альтернативы* – из труднейших в историософии Гефтера. Здесь она хорошо проиллюстрирована на сюжете Столыпин – Ленин: крайние полюса аграрной альтернативы в империи предстают и соавторами Революции. Лучший русский премьер и безжалостный контрреволюционер Петр Столыпин невольно подстегнул мужицкую утопию *черного передела*. Ленин переиграл премьера на его поле и с его помощью. Без противоречивых реформ Столыпина сам Ленин остался бы вне игры. Безнадежным умником-одиночкой, как Роза Люксембург или – на другом конце спектра – националист Петр Струве, кумир Ульянова в молодости.

Читателя особенно затрудняет понимание гефтеровских размышлений о *предальтернативах* как генераторах истории (тема, которую у Гефтера особенно ценил А. М. Пятигорский). Предальтернатива – альтернатива едва наметившаяся, оставаясь невоплощенной. Она относится к *не*осуществленному и часто не могущему осуществиться. Но несбывшееся для потомков, для современников, действовавших тогда, часто выглядит реальным. Одни в этом видят дух времени и реальную ставку, другие – угрозу себе. Такая возможность, не найдя себе формы и языка, обычно забывается. Что не сбылось, того после будто и не бывало –

ведь историки пишут от имени сбывшегося. А нам отсюда уже почти не понять, как несбывшееся порождало великих и чудовищных монстров истории.

Главный вывод Михаила Гефтера: мы и в новой России по сей день обитаем в ландшафте *неостановленной мировой Революции*, начатой петроградским обвалом Российской империи сто лет тому назад. Консервативная государственность РФ лишь видимость. Для Октября 1917 года *свой термидор* все никак не наступит, и важно понять: *что* именно удалось, когда русский термидор не удался? На каком такте неостановленной Революции Советский Союз рухнул, а мы застряли внутри? И к чему подходим теперь? В гефтеровском понимании Революция – антропологическая расселина, не имеющая причин, кроме себя самой и генезиса Homo historicus'а; ее духи могут вырваться снова. Но вряд ли тем красным знаменем интеллигентско-мужицкой утопии, которую Гефтер называет «марсианской», – утопией братства народов в едином человечестве. Сегодня вероятней выброс темной материи из той части спектра, куда «черный передел» сдвинул русскую великую и несчастную историю.

«Старик все пишет». Заканчивая путь жизни, Михаил Гефтер продумывал российский государственный проект 1990-х, с его неудачей на старте. Когда мы вели эти речи, Октябрь считали бесславно погребенным. Над Лениным ржали, на Революцию снимали фильмы-памфлеты Говорухин и Бортко, и глупым казалось к ней относиться серьезно. А еще через десять лет Кремль был занят проектами сопротивления Революции.

Историческое событие развертывается, пока для него есть источники или что-то его не остановит. Революцию могли остановить много раз – и в двадцатые годы, и в тридцатые, и после Победы 1945-го… Кажется, Лаврентий Берия в Кремле 1953 года был последним, кто задумывал контр-Октябрь. Ельцин с людьми 1990-х ушел от своей термидорианской миссии – в эрзацы переименований, в самозванство звучно-ничтожных статусов. *Государство* ими не было понято как неотложная, *немедленная* задача. Оттого мы не живем в Российской Федерации. Мы бродим в лабиринте, в арсенале целей, средств и слов Революции – а та снова пытается восстать мировой. Но как ей стать мировой теперь, после смерти утопии, как не путем глобальной уничтожающей судороги?

Чрево еще плодовито.

Глеб Павловский Октябрь 2016

«Я марсианин». Революционное метапоколение

Михаил Гефтер: Простая ли тема – свое поколение? На самом деле затруднительная. Человеку трудно быть откровенным до конца, и грешно от него это требовать. Но затруднительно и по другим причинам. Станиславский где-то говорит: я родился при крепостном праве, когда дома еще освещались восковыми свечами. Если меня спросят: «А вы?» Если так начать книгу, что бы я сказал? Что родился в провинциальном городе Симферополе, где воду развозили в бочках и продавали? Что во двор приносили горячие бублики с маком? Как-то невыразительно это все, правда? Я из мира, которого уже нет. Сам я по прихоти судьбы есть, а мира, который мой, где я вырос, где потерял лучших друзей и множество близких, – этого мира уже нет.

Когда я пытаюсь вернуться к точке Мира, которого уже нет и откуда я, – что там, в опустевшем, осталось? Все вычеты произвели: кто там, не финал ли феллиниевых «Восьми с половиной»? Уже не живые – тени, призраки, а посреди них мальчик играет на флейте. Заменим его мальчиком Мишей, играющим на пионерском горне. В пионерском отряде решили сделать костер из молитвенных книг, и он просит у бабушки отдать ее еврейскую молитвенную книгу… И моя мудрая бабушка, любя внука, отдает! Она сняла только старинный переплет, оставила себе на память. Ужаснуться, пожалеть этого мальчика с пионерским горном? Сказать следующим: глядите, какими они были, – на ваше счастье, их нет и уже не будет?!

Тут всплывает расхожее слово: *поколение.*

Кем определяется поколение? Вероятно, детьми. Когда в XIX веке Иван Тургенев написал «Отцы и дети», Федор Михайлович Достоевский сказал: надо бы назвать *«Дети и отцы».* Верно – отсчет от детей, а отцы оказываются предшественниками. Это дети их делают прошлым поколением. Всплывает вопрос отсчета поколений: конфликт детей и отцов, он разве бывает в каждом поколении? Нет. Тургенев в 1850-1860-е годы: Базаров, конфликт, схватка! А в 1880-е годы яростные, непререкаемо идущие к цели народовольцы – дети благополучных родителей. Конфликта детей и отцов в их семьях почти нет.

И сколько вообще было этих громких конфликтов? Один в 1950-1960-х XIX века. Следующий – после Октября, в 1917–1919 годы.

Состоятельные дети шли в революцию, – и опять разрывы, переворачивания… А далее, пожалуй, только в 1950-1960-е годы нашего века, когда в послесталинское время снова вспыхнул конфликт детей с отцами. А сейчас есть он, конфликт поколений? Его нет! Но тогда и поколения нет?

А что было между? 1920-е, к началу 1930-х, – конфликт детей и отцов, 1950-1960-е – конфликт детей и отцов. Между этими двумя конфликтами нечто большее, чем поколение, – *метапоколение.* Не на одно лицо, не одной судьбы, но с множеством роднящих могил и переизбытком смертей, сближающих людей. Метапоколению, расположенному между двух конфликтов детей и отцов XX века, трудно дать определение. Как назвать это метапоколение – постоктябрьским по хронологии? Постреволюционным по образу действия? Социалистическим – по той цели, надежде, иллюзии, которая двигала активным меньшинством, которое и образует лицо поколения?

Что вынести за общую скобку? Не буду оригинален: это прежде всего отношение к истории, странное, теперь трудно передаваемое. Непередаваемое ощущение, что не просто соучаствуешь в истории – ее творишь. Ты в ней постоянно присутствуешь. Утром встал – и ты в истории; спать ложишься – в истории. Все, что тебя окружает, эфир жизни, – все это история. Ты в ней, она – в тебе. Это сильное чувство? Да! Страшное? Должен тебе сказать – да. Это растворение в истории, когда все, что вне ее – обычное человеческое существова-

ние, – не исключается, но его почти не замечаешь. Оно не в цене, а в цене то, что в истории и что зовется историей.

Такое сознание можно назвать романтизмом, фанатизмом – как угодно! Гримасой этого ощущения остались советские словесные штампы. Каждый пленум был наперед «исторический»; каждый съезд уже заведомо исторический, каждая встреча и речь – исторические… А уж каждое слово ОДНОГО – не подлежит сомнению, что оно историческое! И Сталин так выговаривал слова, чтобы мы их действительно историческими ощущали.

Состояние, когда все измеряется историей, – двигатель людей страшно сильный, но и яма провальная. Пошлое выражение «война все спишет» вытекало из ощущения, что история списывает все. Жертвы ей принадлежат по праву, история и жертвы – едино суть. Жаловаться или быть готовым стать жертвой?

К этому прибавь плотность времени. История очень плотна, хотя, конечно, это иллюзорное переживание. Уплотнение времени обусловлено растворением в истории, которая, в свою очередь, немыслима без жертв. Оно зовет тебя, оно указует и врагов. И все где-то сводится к понятию, идущему от времен раннего катакомбного христианства: новая тварь, Судный день. А у нас – революция и новый человек! Но с человеком старым как быть? Если кто-то из новых «устаревает», как быть с такими? *Вычеркнуть* их – и тебе нужно соглашаться с вычеркиванием. Раз в основе всего новые люди, они в фокусе истории, появляются *новые старые* – отсталые, устаревшие, подлежащие вычеркиванию. Они первые кандидаты в жертвы, и чему удивляться?

Недавно, в третьем номере журнала «Источник» за этот год (1994), напечатана речь Сталина на военном совете после уничтожения Тухачевского и других полководцев. Страшная речь, но очень важная. У Сталина там примечательнейшая по откровенности и точности фраза: наша сила – *люди без имени!* Те новые люди, что пришли во власть после Октября, были с громкими именами, но теперь пришла пора *других новых* – тех, кто без имени. Их множество, и они наша сила. «Люди без имени» – они тоже из моего метапоколения.

Наше метапоколение совестливым было или бессовестным? Замечательный человек первой эмиграции Георгий Федотов, говоря про *имморализм* Ленина, имел в виду, конечно, и нас – тех, кто от Ленина. Дословно имморализм означает безнравственность, но не корыстную безнравственность по расчету (хотя и была такая). Не одну безнравственность из карьеристских соображений. Имморализм – это низкий, на ноль сведенный *иммунитет к безнравственности.*

Селекция по убыванию человечности не слишком замечалась моим поколением. А почему? Раз все есть история, а та всегда в действии, вечно в спешке, то что может дать истории оценку вне ее самой? Где поместить нравственную оценку *вне* самого действия?! Десять заповедей? Не надо обманываться: когда история правит бал, когда действие вербует людей, эти люди рвутся вперед, в бой! Готовые соглашаться с тем, что убывают, исчезают, уничтожаются многие из них. Если есть на это совестливое разрешение, то быть ли ему вне действия, вне истории? Все, что *вне, не* сработает. А все, что *внутри,* работает на потребу истории.

Но это мы, отождествив себя с историей, сотворили многое благодаря этому. Это мы в 1941-1942-м смертями друзей остановили Гитлера. Мое поколение не может считать себя не в ответе. Нам пристало честно рассказать о нашем имморализме, а тем, кто пришел после, – выслушать нас и подумать о себе. Такая встреча, такой разговор были бы полезны.

Слабость публицистических сочинений о том времени – во всех воспоминаниях время течет ровно, изо дня в день. Между тем процесс шел *асинхронно.* Неверно, что Сталин владел нами с момента появления у власти. К тому шло – и пришло, но не до конца. И шло-то не в едином строю. Сокровенный момент, связанный с именем Сталина, – *вытаптывание различий.* Приведение всех к тождеству реакций, оценок, эмоций. Однако не только в том дело,

что Сталин не мог уловить все души сразу, а в том, что, улавливая, ему самому приходилось учиться преодолевать сопротивление наших душ. Существенна асинхронность процесса.

В начале 1930-х – страшная человеческая перетасовка, именуемая *сплошной коллективизацией*… Но к тому же порогу человеческий талант, поэтический гений в литературе достигают высот, освоив свершившееся в людских судьбах после революции. Что же, они заодно – коллективизация и Эйзенштейн? Сталин и воронежский Мандельштам? Ягода и Андрей Платонов? Странный расцвет советского кино того времени сопоставим со взрывом итальянского неореализма, а литература – с пришествием латиноамериканского романа.

Асинхронный, глубоко не-единый процесс Тридцатых. В судьбах и людях будто бы рядом идут два процесса: нарастающая индивидуализация – и агрессивное усреднение. Забылось, как усреднение *нарастало.* Интереснейшие эпизоды возникали! После долгого пребывания за границей возвращается в СССР Эйзенштейн, автор потрясшего мир «Броненосца “Потемкин”». С удивлением обнаруживает новое советское кино, где уже не восставшая масса, не толпа выступает творящим себя героем, но вдруг появились одиночки, индивидуальности. «Подруги» Арнштама или «Чапаев» Васильева. И сам я в мои университетские годы принадлежу к счастливому срезу студенческой жизни. Мы были все очень родственны, очень близки: выходцы из средних школ, в большинстве с аттестатами отличников – и все очень индивидуализированы. Это ничуть не мешало, это нам помогало. И эти индивидуальности, для вас якобы на одно лицо, – погибли в два считаных дня, когда наша ополченческая дивизия попала на острие немецкого танкового клина. Вот судьба молодых интеллигентов.

Вот замечательный, мой любимый рассказ Шукшина, рассказ-притча. Лето, колхоз, страда уборочная. Председатель колхоза, пожилых лет человек, не спит, а на улице горланят песни: молодежь гуляет, второй, третий час ночи – завтра же на работу! И дочка неприкаянная, не нашедшая себя… Вот он выходит на улицу, чтоб урезонить их, разослать по домам. Возвращаясь, ложится в кровать рядом с женой, как вдруг – видение ему, воспоминание детства, когда отец взял их с младшим братиком в ночное, пасти лошадей. Кони, ночное небо, братик внезапно заболевает – то ли скарлатина накатилась, то ли ложный круп. Он хрипит, синеет, и отец говорит мальцу – на лошадь, скачи за врачом! А брат умирает, но в памяти у него – эта ночь и он сам, скачущий на коне! И вдруг он себе признается: ничего в моей жизни, кроме этого, не было – ни-че-го. Там я был вольный, свободный, птицей мчащийся на коне! А после сказали: жениться надо – я женился. Надо служить в армии, родину защищать – я служил. Надо было – пришел восстанавливать колхоз. И вся жизнь из одних «надо» и «должен», а в памяти – только та ночь!

Вот я о чем: этих людей окружающее усредняло с нарастающей силой, – и не усреднило, не смогло! Оказалось неспособным усреднить до степени, когда бы утратилась, хоть в памяти, их индивидуальность. Поэтому, когда при мне говорят: «Есть такое выражение: *тоталитарная личность»,* для меня это просто глупость или ложь. Какая может быть «тоталитарная личность», пока она личность?

Был *остаток* недовытаптываемой индивидуальности. В рамках тоталитаризма, который, несмотря на усилия, при смертях, им несомых, им втесняемых идей, не смог всех свести к одному. Не имея этот феномен в виду, не объясните войну. Не объясните 1941-й, 1942-й с «Василием Теркиным» – странной поэмой, которая была на устах миллионов солдат, но где нет ни одного упоминания партии. Кроме единственной иронической фразы командира дивизии: «Твой цека и твой Калинин» – как это объяснить?

Ведь вот какая вещь: говоря, я пытался войти в корень этого моего «метапоколения». В его отношение к истории, которой, думали мы, Сталин руководит, Сталин ведет. А оказалось, наоборот – это история Сталиным распорядилась, подобрав соответствующий персонаж. Но что происходит далее с поприщем ненасытной всеприсутствующей истории? Она начинает

распоряжаться любыми помыслами, любыми человеческими судьбами. Люди вроде бы действуют, но в конце тяжкой коллизии, где могилы, кровь, война, – возникает то, что Герцен замечательно назвал *простором отсутствия.*

Тут подхожу к самому существенному. Разные родословной и происхождением режимы Гитлера и Сталина, отличные во многих отношениях, шли навстречу друг другу. Уничтожением людей? Да. Но еще и покушением на индивидуальную смерть человека. Дело дошло до точки, где человек остался один и наедине с собой принимал решения о своей судьбе, как в 1941-м, когда рушилось все. Этот человек отстоял не только жизнь – он отстоял и смерть.

Вот почему тоталитаризм не бывает стопроцентным, а существование фашистов не ведет человеческую ситуацию к фашизму. Есть резерв духовных свойств человека, который, даже не помышляя о том, что делает, – защищает и жизнь, и смерть. Отстаивает их, возвращает в человеческое бытие, в повседневность. И это не вчерашнего дня проблема. Она еще постучится в нашу дверь, заставляя задуматься о судьбе того «метапоколения», о котором я веду речь.

История никогда не была ровной. Каждый день ее и год состоит из обрывов, из гамлетовых *без*времений, которые ставят на острие шпаги их перевод в *междувременье.* А когда выясняется, что не удалось, на месте плотного, насыщенного поля истории вдруг развертывается мертвящий простор отсутствия. Тогда любое может стать «целью», тогда на авансцену выходят люди, способные все превратить в квазицель. Переизбыток «исторического», максимально уплотненный во времени, вдруг обваливается в безвременье – причем такое, которое не в силах перейти в *междувременье.* Застряли!

Что же остается тогда? Многое. И обыкновенное человеческое бытие – великое обыкновенное. И великие «малые» дела. И еще остается память, которую надо сберечь в себе. У Брэдбери есть новелла: человек высаживается на Марсе и видит мертвые города – останки изощренной, умной, погубившей себя цивилизации. Вдруг он сталкивается с марсианином, чудом оставшимся здесь, и спрашивает – как это с вами приключилось, куда все ушли? А марсианин ему: взгляни, там жизнь! Эти города сияют огнями, они полны людей! Марсианин спускается в долину, где все полно продолжающейся жизнью. В то время как встреченный им землянин не видит ничего, кроме мертвых руин.

Считайте, что я марсианин.

Часть 1. Революция и ее остановка

1. Революция глазами марсиан. Причина революции – незаданный Мир. Подрыв заданности

– Представим себя марсианами, которые очутились на Земле и узнали, что с людьми тут случается нечто, что те называют революцией. Что такое революция, марсиане не знают; думаю, и мы знаем не вполне. И второе допущение: предположим, ее не стало – революция безвозвратно ушла. Мы вспоминаем о ней и не можем решить, что с этим воспоминанием делать. Оно нас мучает, а мы не понимаем чем. Как у Пастернака во вступлении к «905-му году»: «Это было при нас, это с нами вошло в поговорку. И уйдет. Стерся след; были – нет, от нее не осталось примет». Какая странная вещь: мы есть – те, с кем революции вошли в поговорку, а того, с чем вошли мы, нет и следа. «Были – нет». Провал памяти и провал времени.

– Мы на краю?[2]

– Да, и здесь опасно. Мы давно на краю. Обживать край трудно, есть желание отодвинуться, но и оно опасно – без прошлого на краю. Сразу поставим себе вопрос: революция – это что? Это бывает всегда, со всеми? Или это однажды началось? Когда-то возникло и возвращается время от времени. Но ведь и состояние «время от времени» в истории тоже возникло однажды. По нынешним представлениям о длительности существования человека явление нашего предка позднее, достаточно близкое к нам. Время человека само когда-то возникло. Из чего?

Революция что-то человеческое останавливает, разрушает и нечто пытается воздвигнуть на месте разрушаемого. И мы хотим заглянуть туда, в глубину, насколько позволяет взгляд, – откуда это началось в человеке?

– И неизбежно ли?

– И неизбежно ли. Но при выяснении приходим к мысли, что люди вообще, мы все в гигантской степени заданы. Чем? Да всем. Мы заданы предками, родителями, детством, школой, обстоятельствами. Остался совсем небольшой зазор, где мы не заданы. Петр Чаадаев сказал когда-то, что Бог-Промыслитель уступил людям время. Время, вот зазор. А человек – странное существо, пытается раздвигать зазорчик все дальше и дальше. Человек сражается с заданностью.

– И безобразничает при этом?

– Да, человек – странное существо. Все его первомоменты заложены. Вот человеческий детеныш. Он единственный в своем роде, который много лет живет при родителях, – мир живого такого не знает. Этого детеныша можно выучить математике или чему-то еще высшему на ранних возрастных ступенях. А как быть дальше? Остается долгий промежуток времени, и он должен быть заполнен. Раньше человека долго готовили к следующей деятельности. Но теперь и приготовить нельзя, и времени на это нужно меньше. Однако выясняется, что детство – это целая жизнь. Она должна быть прожита человеком, чтобы он смог полноценно, свободно, не безобразно жить еще одной, второй жизнью. А там подоспеет и третья.

[2] Здесь и далее слова Глеба Павловского выделены отдельным шрифтом.

Революция происходит из человечной коллизии: давления неустранимой заданности. При минимальном зазоре, который мы, странные существа, пытаемся раздвинуть. Раздвигая, заходим все дальше, хотим оставить себя вовсе не заданными. И в раздвижку незаданности втянуть и вместить целый Мир. Здесь один из самых глубоких истоков революции. Возможно, это свойство человека, которое его творит, до известной степени смягчаемо. Может быть, это свойство можно сделать более разумным и безопасным – но оно есть, и из него на каком-то рубеже вышла революция.

2. Вторичная заданность революций. Бухарин на Лубянке

– Революция является самым взрывным способом преодоления заданности. Она это может, и Октябрьская это доказала.

– Но советская ситуация, где я рос, была в высшей степени заданной.

– В СССР возникла ситуация *вторичной заданности*. Опрокинув заданность, революция готовит новую. И новый вызов для того, кто хочет ее преодолеть в ее русле. Они должны обрести речевую силу опознания вторичной заданности, что потребует от них специфического поступка. Особенное опознание и особенный поступок! Связь может обернуться от особенного поступка к особенному опознанию. Преимущество Троцкого было в том, что он действием продвигал себя к опознанию сути дела. Бухарин мог дойти, но запнулся на специфичности должного поступка.

– За что ты ценишь лубянского Бухарина?

– В обстоятельствах, где вторичная заданность революции не опознана, она вела к обвальной деградации речи, где распознание невозможно, – то есть к рабству. Бухарин на краю гибели, речами на суде и на Лубянке передал состояние человека, трагедией искупившего рабство.

3. Неутопический утопист как порода. От Homo novus к оборотням революции

– Не моя задача подыскивать людям большевизма извиняющие мотивы. Задача – понять: в ужасном крылось иное, что, не догадываясь о себе, вводило в человеческое измерение советского. Иное, что утрачено дважды – как боль и как масштаб. Опыт масштаба сегодня сокрушен и тем, что сама такая порода людей в России вымерла.

– Что за порода?

– Неутопические утописты. Типаж, без которого истории не было бы, и она его с упорством воспроизводит. Эти люди – кальдеры погасших вулканов, недо- или пред-альтернатив. Ими выстраивается ряд: *История – Утопия – Мир – Новая тварь*, а на продолжении этого ряда намечается Революция. Идеологичная и поначалу импровизируемая, революция вторым тактом ставит вопрос об организации, соподчиняя той собственное начало. Одни признаки в революциях повторяются, другие нет. Но есть признаки, без которых нет революции. Предпосылкой, целью и следствием революций является *несуществующий человек* – тот, кому до́лжно возникнуть. Отсюда «новые люди» Чернышевского и все вообще Homo novus.

– Но революция никогда не имела целью того именно человека, который фактически явился в результате.

– Да, вечное «не то», но в результате того, что революция его извлекла, ибо в ней так заложено. Что с неумолимой жестокостью проступает изнутри феномена революции и над чем ломал голову Гегель Темный, усматривая хитрость Абсолютного духа. Приходят в движение странности человеческого существа, которые надо вывести из его сумрачных первоначал.

Проигрывается экзистенциальная каверза: человек революции хочет оставаться ее вечным протагонистом. Отсюда он в какой-то момент взмывает вверх… а потом? Потом развилка: либо тебя убьют, либо ты убьешь – либо сам обратишься в нечто кошмарное, хуже старых царей и тиранов. Ты убежден, что эта схема безвозвратно ушла и не повторится? Давай в меру возможного пособим процессу без крови и в меру человеку отпущенного останемся сами собой. Массовая утрата лица и речи людьми достаточно близкими меня сокрушает не меньше, чем тебя украинские «сечевики». Пойми, нет у нас других решений сейчас. И трудно добиться, чтобы еще бо́льшая кровь не пролилась. Очень больша́я кровь.

4. Определение революций. «Черный ящик». Сотворение врагов и отказ от лояльности

– Что значит для тебя революция? Если для словаря.

– Революция – известное, повторяющееся и хорошо описанное, но, несмотря на описания, остающееся невыясненным событие новейшего отрезка существования Homo historicus. Она человеческий феномен, внутри истории впервые явственно заявленный христианством, что отнюдь не второстепенно. Все исторические разборы не превратили этот феномен в менее загадочный, таков он по происхождению.

Представьте черный ящик. На входе то, что зовут «предпосылками», а на выходе из черного ящика – результат. Главные предпосылки революция создает своим собственным ходом, что и делает ее трагедией. Люди в революции не удовлетворяются отдельными преобразованиями, замахиваясь на такие, которых им заведомо не осуществить в обозримое время. Любопытно, что революции часто начинались как неудача реформы. И у Октябрьской в истоках крах Столыпина. Сперва хотят провести реформы ограниченно, при данном составе людей и данных свойствах их натуры. Но феномен революции производен от императива творения человека в уплотненные сроки. Заглавная идея революции: миру явился новый человек!

Еще раз возвращаюсь к революционному «черному ящику». Если революция – феномен, творящий предпосылки в своем движении, творение касается не того, как быть с землей и фабриками. Но, как во Французской революции, – декретировать ли хлебный максимум *под угрозой смерти*? Диктат обновления: вы станете новым человеком – либо врагом. Вот где мерило, и лояльность ему не подходит. Революция обладает тем свойством, что не ищет лояльности: только соучастие! Все другое значит, что ты против революции. Человек, который говорит революции: хорошо, я не возражаю, – уже почти враг, контрреволюционер. Революции вечно не хватает врагов, и лояльный для нее – протовраг.

Легко сказать, что гильотина – дело сумасшедших, ressort de fou. Кромвелю мало было отрубить голову королю, надо было далее рубить головы шотландцам, ирландцам… Не безумие ли превращать людей в своих противников? Но у этого безумия есть логика: жажда врага. Потребность революций во враге, откуда-то же она вырастает?

Каковы причины, что явление, известное людям и происходившее при их участии, оплачено таким множеством гибелей? Я приурочиваю гибельность не только к нашей революции – ко всем. Считая Октябрьскую последней и обозревая ряд исторических революций, должен сказать: революции гибельны все! Есть три определения: смерть, убийство и гибель. Результат один и тот же – труп. Но гибельность революций еще не убийство. Гибельность сопутствует человеческим превращениям, которые по ходу революции превосходят наличные возможности людей.

Революций нет без лидеров. Особенно это относится к Октябрьской, но так и у Кромвеля, и у Робеспьера. Люди, которые являются лидерами в ее первой, радостной фазе, чувствуют, как в них открывается зов истории. Появляются харизматические лидеры, это не так банально. И если, находясь в центре революции, как Ленин или Махно, лидер пожелает ее модерировать, то она воспротивится тому, чтобы ее модерировали. Революция немодерируема вообще либо по природе сопротивляется модерации.

Речь не о том, что я понимаю под революцией, а что революция понимает под самою собой! Судный день – первый из образов революции. Превращение людей революции в «новых людей» стягивает к себе остальное. Без этого феномена революции нет вообще. Наталкиваясь на невозможность, феномен создает гибельную ситуацию. Тогда настает пора

говорить о *термидоре*. Придавая этому слову уже не локальный смысл, а широкую философско-историческую рамку модели *остановки* революции.

5. Революция аномальна. Как ее останавливают? Термидорианцы и имперские нации

– Что при этом можно сказать о технике революций?

– Революции по природе своей аномальны. Революция – состояние, которое норовит себя продлевать, претендуя быть вечным двигателем. Она длит себя не в исходных формах, а по нарастающей экстремально! Исходное опережение умножается эскалацией, приобретая новые свойства. В конце концов революция, в ее классическом французском образце, с помощью гильотины пыталась найти свою результирующую и свою равнодействующую. Ради самоувековечивания отсекая головы направо-налево.

– Революция у тебя представлена силой, которая захватывает людей, но не как творимая ими, а их творящая?

– Ими творимая *и* их творящая, так вернее. Здесь коллизия: *ими* творимая, но творящая *их*. Тут много глубоких вещей. Самые укорененные связаны с природой человеческого слова, считая, что «человек» – это слово прежде всего. В слове заложено определяющее человека сочетание *избыточности с недостатком*. Слово избыточно, творяще и недостаточно: странное, но работающее сочетание. Нечто всегда нами делается «прежде времени»!

Поначалу революции представлены одиночками, хотя они – одно из самых массовых и массированных явлений в истории человека. Мы видим революцию в момент штурма Бастилии, но это же не начальный ее этап. До толп на улицах являются новые люди, которые «преждевременны» и обладают умением свое «прежде времени» реализовать. Конечно, к этому потом найдут множество предпосылок – экономических, социальных или идеологических. Но всех предпосылок, взятых вместе, для прихода революции недостаточно.

– Может, предпосылку надо искать в другом?

– Нет, это свойство истории как самотворящего процесса. То, что история ищет и выдумывает себя, изобретает, в концентрированнейшем виде представлено революцией. Как какая-нибудь там «черная дыра» в космологии, не знаю. Важно разглядеть в революции явление, восходящее к началу человека. Она появляется уже внутри собственно человеческого развития на поздней его ступени – исторической.

Когда мы истинно имеем дело с революцией, нельзя не поставить вопрос: *как ее остановить?* И это не прагматика, а коренная тема, тема-ядро. И кто сможет ее остановить? Революционная аномальность чересчур велика, самотворящее переходит в самопожирающее. Вопрос, как ее остановить, уточняется другим вопросом: *во что* перевести Революцию? В норму, которой ранее не было. Тогда возникает вопрос о термидоре в широком смысле. Французский эталон – это переход от термидорианцев[3] к Наполеону, с раздвиганием рамки термидора на весь континент Европы. В конце концов, чем была остановлена Французская революция? Code Napoleon[4]. Устранением носителей революционной экстремы с переводом внутреннего хода Революции во внешний ход.

– Внутреннего во внешний – то есть в экспансию? Уточни.

– В смысле Наполеоновских войн, сокрушавших монархии с унаследованными от Средневековья режимами – тем, что неточно именуют феодализмом. Далее преобразование Европы пойдет реакцией против экстремальных, из революции вышедших замашек Наполеона. Финалом станет скоропостижное превращение вчера еще «отсталых», по сравнению

[3] Термидорианцы – организаторы переворота (27 июля 1794 г.), ликвидировавшего якобинскую диктатуру во Франции.

[4] «Кодекс Наполеона» – свод законодательных актов Франции, принят в 1804 г.

с Францией, стран в *нации*. Защищающиеся от континентального державства Наполеона, от империи, распространившейся на Европу.

Термидор увенчается триумфом Англии. Первой пройдя свою революцию, она в единоборстве с Наполеоном утверждает себя демиургом буржуазности – мастерской Мира. Распространяясь, творя колониальное господство и либерализуясь внутри. Целая эпоха себя завершает, конституируя и отвердевая в правовых установлениях. С этой точки зрения Маркс прав, когда говорил, что нет множества буржуазных революций, а есть одна Революция. По отношению к которой бельгийская, швейцарская, немецкая, французская революции – фазы одного явления. Только американская революция специфична, потому что была все-таки освободительным движением против английской короны на другом континенте.

Феномен не описать, и не дорасти до его понимания, не вводя внутрь самой революции усилия, предпринятые, чтобы ее *остановить*. В революции есть нечто, предстающее вторичной невозможностью, – она не может сама себя остановить. Ее внутреннее начало сдвигается вне ее, а там уже и пространственно вовне. Прекращая революцию в начальных границах, люди переносят ее на непочатое пространство – а когда и оно исчерпано, тогда что? Что выступает против революции? То, что ее останавливает, оно чем питается? Чем-то, что *вне* истории, но также является человеческим. Тем, что в человеке вообще остается вне истории.

– Чисто негативное определение.

– Его можно прослеживать на примерах, придав конкретную плоть. Будем ли мы это называть «гуманизм» или «либерализм», будем ли называть «права человека» или еще иными словами, но для меня существенно то, что нечто есть в человеке – и что оно вне человеческой истории.

Разница между «сводимо» и «выводимо» для методологии исследования, для философии истории колоссальна. Но есть нечто в революции, что и несводимо к так называемым предпосылкам, но и невыводимо из них.

– Твое понятие «пред-посылки» – это что такое?

– Это опрокинутый в исходный пункт исторический результат! История – та полоса человеческого существования, когда люди оперировали результатом. На этом опрокидывании человек строил самое свое существование, таким образом утверждая себя историческим. Он делал ставкой в этом свое существование.

– Но это мысленная конструкция.

– Она не просто мысленная. Это силовой силлогизм, речевой ход и исходящее из него обустройство жизни. История выступает как самотворящий процесс: она себя ищет, и она себя придумывает. Люди в истории всегда имеют дело с опрокинутыми в прошлое результатами как своими отсчетными точками.

Ты можешь умно возражать вместе с Чернышевским, что «история – не тротуар Невского проспекта»[5]. Можешь говорить о «зигзагах истории», усложнять и утончать представление о ней, а все-таки от ее магистральности не уйти. Вот та речевая и поведенческая конструкция, в рамках которой обустраивался человек. Но конструкция, которая никогда не исчерпывала его повседневного существования. Не только за пределами домена Homo historicus – территории, где история впервые сформировалась и откуда повела экспансию, но и в пределах ее самой.

Все, что явственно прослеживается в феномене о революции и обязывает нас его учесть.

---

[5] «Исторический путь – не тротуар Невского проспекта» – в статье Н. Г. Чернышевского «Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов» (1861).

6. Октябрьская революция никогда не была остановлена. Русская проблема нормы. Ряд Утопия – Революция – История – Человечество

– Есть знаменитое дойчеровское определение Октября – «незаконченная революция[6]». Мой вопрос, можно ли вообще закончить революцию, вовремя ее не раздавив? Попробуй сформулировать свою мысль насчет этой проблемы.

– Свернем в текущий момент. С одной стороны, есть я – автор, а с другой стороны – событие 3–4 октября 1993 года. У меня формируется новая отсчетная точка сознания: все, что я знаю и о чем думаю, я отсчитываю от этого события. Как нам это увязать в разговоре о революции? Состояние шока, потрясения, рубежа заставляет переосмысливать вещи, к которым я раньше пришел. И все теперь увязывается для меня в сюжет, выраженный словами: *остановить революцию*!

– Не странно ли, что в момент, когда в Думу выбрали Жириновского, ты заговорил о необходимости остановить революцию?

– В чем дело, из-за чего убивали 4 октября? Это неостановленная революция, застревая в людях, руководит их поступками. Они в любой момент готовы смоделировать себя заново по законам революционного времени и действовать, противопоставляя себя врагам. Находя врагов вокруг, конструируя этих врагов и относясь к ним, как относятся к врагам революции: без размышлений! Звучит почти кощунственно: Анпилов[7], который субъективно или даже объективно провокатор, и люди гайдаровского ма кроэкономического чванства, теперь, собственно, заодно. Каждый норовит заставить всех стать чем-то одним – или бей жидов и пой «Интернационал», или разом поменяй экономическое поведение!

Я отношу все это к нашей революции 1917 года. С ее превращениями, переворачиваниями. С революционными оборотнями, которые за ней увязались, застревая в неспособности ее остановить. Остановить альтернативно, а не физически раздавить, a-la неудачник Корнилов[8].

– Не придумываем ли это? Может, ее и нет, проблемы неостановленной революции, а есть другая проблема – слабых контрреволюционеров?

– Повторяю: не физически раздавленной, а обращаемой в альтернативно иное состояние. Где новая норма, которой не было до Октября 1917 года? Ведь норма не просматривается и в предпосылках! Революции творят из себя главную предпосылку. То, что, творя главную предпосылку из себя, они терпят крушение, и есть прелюдия новой нормы.

Не будем говорить, когда человеческое мышление это увидело, – мы и в «Гамлете» его найдем. Давно следовало удивиться словам: «Весь мир – тюрьма, а Дания – наихудшая из арестантских»[9], – почему? Сказано в Англии, а аукнулось в России: весь Мир – тюрьма, а

---

[6] Отсылка к работе историка-советолога Исаака Дойчера (1907–1967) T e Unf nished Revolution: Russia 1917–1967 (1967).

[7] Виктор Иванович Анпилов (1945) – российский общественный и политический деятель, председатель исполкома движения «Трудовая Россия». Организатор и активный участник антиельцинских митингов в 1992–1993 гг. Активно участвовал в событиях октября 1993 г. на стороне Верховного Совета.

[8] Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918) – русский военачальник, генерал от инфантерии. Участник Гражданской войны, один из организаторов и главнокомандующий Добровольческой армии, вождь Белого движения на Юге России. В августе 1917 г., занимая пост Верховного главнокомандующего Русской армии, выступал за жесткое подавление общественных волнений.

[9] «Весь мир – тюрьма. Притом образцовая, со множеством арестантских, темниц и подземелий, из которых Дания – наихудшая» (У. Шекспир, «Гамлет»).

Россия наихудшая, – почему? Когда говорят, что Россия вечно циклирует, возвращаясь на круги своя, – что имеют в виду? Что именно нам не дается?

– Переход к новой норме?

– Да, но что такое норма для России? А может, сам вопрос неверен? Европе тоже многое не дается, Азии не дается другое. Но что не дается России – «стать современной страной»? Позвольте, а что такое стать современной страной? В XIX веке это значило одно, сегодня другое. Что за стандарт, запертый в сейфе? Вынь его при Сперанском[10], вынь при Столыпине или при Хрущеве – «современная страна» будет одна и та же?

Тут вскинется наш патриот и скажет: «Позвольте! Мир не знает, что такое длительный, управляемый человеком полет космических аппаратов, – это умеет только Россия. Америка знает “шаттлы”, а мы сумели то, чего никто в Мире не мог. А вот шоссейные дороги нам не даются. Что же именно не дается нам – сочетать человеческую повседневность с историей? А нужно ли вообще Миру такое сочетание? Вот вопрос, вот где его зародыш – в безумной идее со знаком плюс и минус в равной степени. Идея, заявленная Пестелем, Гоголем, Чаадаевым, – переповторить в себе воспитание рода человеческого. Каким же образом? Напрямую войдя в человечество… Но не выстроим же мы человечество! Вернитесь, наконец, к тому, чтоб искать Мир в собственном доме».

С чем Россия в споре? Что она оспаривает в истории – завершаемость? Она оспаривает то, что сама же понимала слишком буквально. Россия проламывается к человечеству, засевшему внутри истории как проект, замахнувшийся на нереализуемое. Проламывается туда – и рушится!

– Почему? Слишком буквальны мы, чересчур прямолинейны?

– Слишком грандиозны даже, понимаешь? Грандиозны масштабами. Нам вечно кажется, что мы топчемся, и Россия в некотором смысле действительно топчется на месте – но на каком именно? На том, что, соучаствуя в истории, она пересматривает саму себя как относящуюся к истории. Поднимает непонятный никому в Мире русский вопрос: чем я, Россия, являюсь по отношению к истории?

– В газетной редакции сегодня это звучит: «где законное место России в мире».

– Скорее в человечестве. В Мире, понятом как человечество, а я добавляю: по отношению к революции и утопии.

Тема обращена к истории, к ее смысловому ряд у, выраженному в словах *утопия – революция – история – человечество*. Они не синонимы, а вычеркни одно из слов в ряду, и нанесешь ущерб всему ряду. Эти четыре понятия – универсальные заявки на неосуществимый универсум. Их ряд кажется сомнительным, два элемента выглядят как вневременные: всегда ведь была история, есть и будет? Всегда было человечество, есть и будет? Что до утопии и революции, то с ними покончено, разве нет? А дело в том, что четыре эти несовместимых понятия, родственные без синонимичности, они и есть наша Россия! Россия предъявляет всё универсальное равнопорядково и равно нереализуемым в едином универсуме.

Кроме того, у нас есть еще пунктик политических *персонификаций*. Прежние великие революции, поскольку все они прежде-временны, страшно персонифицированы. Английская революция была революцией Кромвеля! Кончается посмертной казнью, когда его уже мертвого вытащили из могилы, отрубили голову и, отрубленную, возили по весям Англии. Французскую одной фигурой не выразить, но в зените она – Робеспьер и Наполеон! Американская революция особая, она осталась внутри Америки и влияла идейно. Наконец, русская

[10] Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) – русский общественный и государственный деятель, реформатор, законотворец. Руководил реформами Александра I, целью которых была либерализация системы высшего государственного управления.

революция – три фигуры: Ленин, Троцкий и Сталин. В этой персонификации есть элемент аномальности, и он застрянет в политике на целый век. А от русской революции пойдут ответвления: революция Гитлера, революция Мао, революция Ельцина.

7. Изобретение смерти. Человек-убийца и его презрение к смерти. Рахметов, Ленин, Сталин

– Нащупывая корни революции, назову еще один: человек – существо, которое заново себя начинает. Способность переначаться сидит в человеке как великое и опасное его свойство. Пальпируя это свойство, находим капитальнейшие открытия человека. Выделяю курсивом слово *открытие* – человек открывает. Так Homo sapiens открыл смерть когда-то. Мы не присутствовали при этом моменте и можем только реконструировать его или вообразить. Это не так, чтобы человек увидел, как некто умер, – человек открывает смерть как отмеренность своей жизни. И благодаря этому смог открыть саму жизнь. Смерть тяготит и возвышает его. Открыв неотменяемую смерть, он открывает необходимость сделать жизнь достойной. Заполненной деятельностью, умом и передаваемой по наследству.

– Или идет навстречу смерти.

– Или идет навстречу смерти. Но с этого момента (очень важный для понимания революции пункт!) отличая *смерть* от *убийства*. Тут капитальная разница для существования людей и для революции также. Когда Ленин говорит, что презрение к смерти надо внести в сознание масс, то призыв к такому движению умов даст, спустя всего несколько циклов, человека-убийцу. И где-то там угадывается фигура Сталина.

Сталин как персонаж – человек, который боялся смерти. Это многое определяло в его поступках и отношении к людям. Малейшее прикосновение к теме смерти, которое затрагивало его лично, вызывало в нем реакцию отторжения и неприязнь к тому, кто посмел затронуть его страх. Знаменитый разговор Сталина с Пастернаком – на каком месте он его оборвал? Когда поэт сказал: хочу говорить с вами о жизни и смерти. Будь Сталин как человек обыкновеннее, при таком страхе перед неотменяемым концом он, может, сам бы ушел. Поддался искушению оборвать собственную жизнь. Но в качестве вождя, которому ежедневно говорили, что он незаменим, избывал страсть в убийствах.

– Эти люди были готовы к смерти каждую секунду. Они так прожили жизнь свою, когда жизнь ничего не стоила – ни их, ни чья другая.

– Я бы их не усреднял, там не все просто. Их готовность к самопожертвованию, легкость, с которой они принимали в качестве должного и необходимого смерть других людей, в личном плане неодинаковы.

Вспомним Рахметова? Но ведь рахметовские гвозди – это ирония Чернышевского. Чернышевский говорит о Рахметове с частой, почему-то незамечаемой иронией. Притом что тот ему близок и важен для понимания романа. Роман сыграл гигантскую роль в жизни нескольких поколений, включая Ленина. У меня была старенькая школьная учительница; как-то будучи у нее дома, я раскрыл книжку: Чернышевский, «Что делать?». Выцветшими старыми чернилами внутри было написано: «Что делать, стало ясно!» – и дата: 1903. Год выхода ленинского «Что делать?»!

Часть 2. Русский пролог в пространстве экспансии

8. Орда – основоположница евразийской государственности. Пространство экспансии

– Ни русскую историю, ни историю русской мысли не понять вне проблемы пространства. Для России это не вопрос территории, а понятие философско-историческое, соотнесенное с понятием времени. Один из центральных пунктов русского самоосознания – отдельный человек (или тесная группа людей) среди гигантских пространств России.

Русскую историю рассматривают так, будто все равно, Россия тут или Франция. Как рассказывают нам историю? Допустим, темный человек не знал, а хочет знать. И ему объясняют: были восточнославянские племена, затем образовались небольшие удельные княжества. Далее монгольское нашествие, княжества стали укрупняться. Началось возвышение Москвы, сложилось русское государство, Российская империя… Единый процесс, казалось бы, но *почему* единый?

Своим ходом эти славянские княжества не могли дорасти до евразийской махины, от Европы до Тихого океана. Организовавшись в единое тело России, оно очертило собой Европу как целое, и в какой-то мере Азию тоже как целое. Между крохотными княжествами и Россией пролегло событие исключительной важности: монгольское нашествие. Крупнейшее из человеческих извержений Центральной Азии и последнее такое по масштабу. Почему оно остановилось? Могло оно дойти до Атлантического океана? Может быть, и могло, не исключаю, – но оно остановило себя и распалось.

Это было не примитивное нашествие. Впитав в себя китайскую военную технику и налоговую организацию, оно оставило после себя завоеванную территорию, административно организованную для выжимания налогов. Огромное *пространство экспансии* объединилось монгольским военным и административным воздействием. Тем легче было после пойти обратному движению – московской экспансии – вспять. Используя его, Москва распространялась, не находя сильных конкурентов. Но разве так было кем-то задумано?

Ни одно правительство и государство не стало бы тратить силы, не зная, к какому результату придет. Шла колонизация крестьянская, поверху за ней – военная. Крестьянин бежит от крепостного права или от своего боярина, а за ним вдогонку – власть, армия – сквозь то пространство экспансии, по которому уже татары прошлись.

Русские парни шли бить соболя с севера на юг, поэтому сперва скрещивались с якутками, затем с эвенкийскими женщинами, потом южнее – с бурятками. Наконец, выбили соболя и осели. Бежавшие от крепостного права, они теперь стали оплотом империи.

У нас загадочная, прекрасная история! В чем ее отличие от обычного перехода племен к феодальным княжествам как разновидности средневекового процесса? При Иване IV le Terrible создание нового властного тела выступает не как процесс в рамках удельного дробления, а сразу как *непосредственная* часть европейской истории. Причем в тот самый момент, когда и история Европы становится планетарной! XVI век, завоевания, географические открытия, движение в разные моря – и в это вступает огромная Россия, сразу как непосредственно включенная часть мирового процесса.

9. Опричный царь. Управление охолопливанием. Рождение мирового негосударства

– На место удельных хозяев земель и людишек идет *царь* – человек, руководимый идеей Руси, мыслящий и действующий не только в русском, а в мировом масштабе. Царь, мыслящий Миром, – совершенно новая русская фигура. Даже в отношении к своему деду Ивану III внук Иван IV в этом качестве нов. Как и в роли человека, ставшего первым на Руси идеологом.

Войдем в положение Грозного – он хочет сделать Русь государственной, а Русь противится по-разному в верхах и низах. Противится даже фактом бытия вольного города с европейской складкой, каким был Новгород. Тот давно не во врагах Москвы, но теперь он подлежал изничтожению! Царь-идеолог видел, что Новгород в его идею не вписывается, взламывает единообразное единство. Город – препятствие втягиванию Руси в государственность, зачатую в монгольском чреве.

Войдем в положение царя, с его странным загибом мысли. Отъезд в Александрову слободу, появление опричнины – безумной, казалось, идеи разделения страны надвое. Есть честное признание Скрынникова[11]. Большой знаток в этой области, он написал ряд книг об опричнине (где каждая следующая хуже предыдущей). Но он исследует факты и проверяет за другими историками – *чьи интересы* выражал Иван? А *ничьи*! Или любого, в той мере, в какой те соответствуют его персональной государевой идее. Ничьи – и всех, его мерой исчисляемых. В отношении любых сложившихся интересов Грозный им всем антагонист. Но как искусный тактик, не объявляет войну всем интересам сразу. Что ж такое опричнина? Скрынников откровенно, я бы сказал, наивно признает, что никаких социальных интересов в опричнине не обнаружил. Думали, Иван хотел сломить боярские роды, чтобы расчистить почву дворянству, но и это материалами не подтверждается.

Ничто в политических структурах, оставленных царю в наследство – ни в удельных, ни в великокняжеских, – не отвечало его тайной идее. Идею надо было подпереть силой из *новых людей*. Если б даже он искал опоры в дворянстве, то и тут ему сначала пришлось бы сделать дворянство опорой своей идее, а на это нужно время. Опричнина – опора в новых людях. К этому встык гипотеза покойного Веселовского Степана Борисовича[12]. Который известно как относился к Грозному – на дух не принимал. Веселовский говорит: что ж Василий Осипович Ключевский не видит, откуда идет опричнина, эта задумка царя Ивана? То единственное, что было у царя на виду и *могло* стать политической моделью мобилизации новых людей, – *господский двор*. А где двор, там *холопы*. Развернуть государев двор на всю страну значило *охолопить Россию*!

Курбский пишет: ты, царь, хорош, пока был с нами, верными боярами, и нас выслушивал… А Иван ему: да как ты, холоп, смеешь судить о таком?! «Из камней сих воздвигну детей Авраамовых!..» Из камней – читай: из рабов, из холопей. Сталин прав, опричнина для царя действительно «целесообразный инструмент»[13]. Но встает вопрос: что же *строил* на Руси Иван IV – государство? Пускай кровавыми методами, в кликушествующей, юродской форме, соответственной его личности и веку. Но строил ли он вообще государство – или

---

[11] Руслан Григорьевич Скрынников (1931–2009) – советский и российский историк, профессор, исследователь отечественной истории XVI–XVII вв.

[12] Степан Борисович Веселовский (1876–1952) – советский историк, исследователь отечественной истории XVII в., автор оригинальной концепции опричнины.

[13] Известна записка Сталина по поводу сценария кинофильма «Иван Грозный» (13 сентября 1943 г.): «Сценарий получился не плохой. Т. Эйзенштейн справился с задачей. Иван Грозный, как прогрессивная сила своего времени, и опричнина, как его целесообразный инструмент, вышли не плохо».

нечто совершенно иное? Такое, что не могло оставить русских в прежнем состоянии, которое царь взломал, и что неминуемо должно было перехлестнуть через людскую нормальность вообще?

Царь строит нечто заведомо нереализуемое: государство на базе господского двора, развернутого на Россию. На почве охолопливания всего, что идет ему в руки, строит нечто евразийское, не знающее границ и пределов. Это уже *не государство*! Его Русь вышла из освоения полей самоотката монгольского нашествия. Русь Ивана Грозного – это «рефлексия» на монгольское нашествие – и на Мир, с которым царь тогда заодно знакомится. Включая Елизавету Английскую, с назиданиями ей о том, как дóлжно королевам себя вести.

Впервые в русской истории является фигура, о которой можно сказать: ее поприще – Мир.

10. Ренессанс рабства. Холопские инновации

– Пространство экспансии опередило шанс превращения Русского государства в национально организованную территорию. Не говоря о том, что тут жили слишком разные народы, нация вообще есть нечто, знающее себе меру, границу и оптимальный состав. Встал вопрос: удержится ли это новое имперское тело в мировой истории? Чем его привести к связности и закрепить во внутреннем единстве? Тут власть выступает в совершенно новой для себя роли. Подобно тому как в Новое время Америка стала диаспорой Европы, Российская империя становится диаспорой великорусского центра, распространившегося на территории, обитаемые на совершенно иных уровнях развития.

Отсюда резкая перемена в речевом поведении и такая важная вещь, как необычная роль власти в нашей истории. С этим связано и то, что получило неточное наименование «крепостного права». Крепостное право понимают как разновидность феодализма, но в России это совершенно не так. Известно высказывание Энгельса о «втором издании крепостничества» на востоке Европы, в более жесткой и жестокой форме. Но я думаю, что это «второе» издание для России стало скорее первым.

– Чего же именно?

– Речь шла о *движении к рабству* заново.

Известно высказывание Чернышевского, любимая фраза Ленина; тот ее привел в статье «О национальной гордости великороссов»: «Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу – все рабы»[14]. Сильные слова. Сталин не любил этого выражения. Но Чернышевский – умный человек и следил за тем, что пишет. Важна не горечь высказывания, а то, что рабство – *сверху* донизу, а *не* наоборот. Русское рабство было верхушечной новацией.

Когда при Грозном пошел натиск Москвы на татарское пространство экспансии, власть, стартовав от компактного великокняжеского двора, охватила огромную территорию-державу. Такая власть должна переменить и отношения со своими слугами. В переписке с Курбским царь Иван утверждает, что его власть – представительство Бога! Мыслимо ли представительство Бога делить среди многих? Оно мыслится им в одном лице, имеющем власть распорядиться *каждой* жизнью. Распространяясь на гигантскую территорию, власть удерживает себя и пространство, неограниченно распоряжаясь человеческими существованиями.

Холопство становится эталоном отношения центра власти ко всем человеческим средам и перифериям, на которые власть распространилась. Преобразования Петра делают власть доходящей до *каждого* человека. Поэтому Пушкин, который много возвращался к фигуре Петра, как-то сказал: «История воздвигла около его всеобщее рабство»[15]. Преобразования, европеизировавшие материальную и отчасти духовную жизнь России, распространяли в ней рабство. К концу XVIII века при Екатерине рабство достигает кульминационной точки. Интенсивнейшей формы эксплуатации, распространяющейся на личность эксплуатируемого.

---

[14] «Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу – все рабы» – Н. Г. Чернышевский, роман «Пролог» (1867–1871); фраза принадлежит одному из героев романа.

[15] Точная цитата: «История представляет около его всеобщее рабство». Пушкин А. С. О русской истории XVIII века (1822).

11. Форсирующая власть-гибрид. Самодержавная модернизация

– В прошлом веке и позже возникающее с XV–XVI века русское государство рассматривали как разновидность архаики, задетой европейским влиянием, но близкой азиатским деспотиям. Другие говорят о «русском абсолютизме», проводя сравнение с европейским процессом. В точном и строгом смысле ни то ни другое не применимо к державе, становящейся от Иванов к Петру. Этот вопрос беспокоил русскую историографию от Соловьева до Ключевского и от Карамзина до Михаила Покровского[16]. Потому что это устройство, эта возникающая организация власти (назову ее пока именно так: *власть*) обладает рядом каких-то гибридных, смешанных свойств.

Покровского занимал вопрос: как возможен прогресс в рамках такой, как он говорил, «замшелой», архаичной политической организации? Между тем она легко вошла во все поры социальности, располагая всеми видами воздействия, от насилия до госкапитализма. Каким образом в рамках столь косной политической формы Россия пришла к крупным секторам буржуазного развития, к рабочей революции? Покровский понимал, что парадокс необъясним *изнутри* России. Российский феномен надо объяснять в мировом контексте, ибо само явление России вытекало из мирового процесса непосредственно. Для времени, когда такая организация власти возникла, имея в виду Петра и его реформы, она была внове. Сочетание голого насилия, прямого распоряжения человеческими судьбами (что действительно отсылает к практике азиатских деспотий) со способностью перенести и встроить в русский социум существеннейшие элементы европейского развития. Иногда с опережением к Европе!

Когда Витте в конце XIX века вел политику усиления мощи Российской империи за счет новых экономических инструментов, он слал сотрудников в Соединенные Штаты, где возникали синдикаты и тресты, и создавал сверху такие же капиталистические монополии внутри России. Централизацию российских капиталов ставили на службу форсированному развитию, которое, в свою очередь, обеспечивало расширение архаичного здания Российской империи.

Такое распоряжение, такое влечение власти – дойти до каждой человеческой жизни и ею распорядиться – позволяет говорить о рабстве. В сочетании с проходящим сквозь века умением использовать *любые* рычаги распоряжения людьми для ассимиляции продуктов развития свободы.

Может показаться не совсем понятным, для чего я здесь акцентирую понятие рабства? Оно оказалось внутренне важно для русской мысли и потому важно для понимания всей русской истории XIX–XX веков. Возникновение крепостного «права», которое вернее называть крепостным рабством, представляло собой атавизм, но атавизм, модернизированный европейским развитием и политикой власти-гибрида.

---

[16] Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879), Василий Осипович Ключевский (1841–1911), Николай Михайлович Карамзин (1766–1826), Михаил Николаевич Покровский (1868–1932) – русские и советские историки, историографы; каждый из них уделял большое внимание роли государства и власти в истории России.

12. Царь Петр и его модель. Империя распоряжаемых душ. Рабовладелец-европеизатор

– Обдумывал ли Петр то, что именно он понимает под европеизацией?

– Думать, что Петр хотел видеть Россию «капиталистической», смешно. Но не смешон вопрос историка Покровского: как в рамках архаического института самодержавия состоялся экономический прорыв? Что за надчеловеческая власть с равной легкостью распоряжалась финансовыми ресурсами и существованиями людей? Откуда ее способность столь долго и в таких масштабах переносить плоды развития Запада (и облекающие их социальные формы) в Россию? Встраивая в государственную среду, уже с совершенно иными социальными последствиями. Петр перенес в Россию мануфактуру, которая в Европе была порождением раннебуржуазного развития. Как повело себя это эмбриональное капиталистическое тело в ее рамках? Оно сумело внедриться в крепостное целое.

Что за природа власти, способной произвести такой перенос, не разрушая себя? Какую цель Петр преследовал, не секрет: превратить Россию в великую европейскую державу. Итогом европеизации Московской Руси должна была стать могучая империя, бесповоротно выходящая к морям. Освобождающаяся от старых врагов, за их счет решающая территориальные задачи – завещанные прошлым и новые. Но средство, каким было средство?!

Средство было комбинированное. На виду – решительная ломка нравов, обычаев и патриархальных установлений. Привычки мешали не только тому, чтобы сделать Россию динамичной (к чему Петр воистину стремился). Они мешали ему бросать в дело свежих людей, не считаясь с их интересами и родовитостью. Старые учреждения не позволяли раздвинуть власть на миллионы жизней, распоряжаясь ими при создании могущества.

Нравы мешали вырывать людей из родной почвы и миллионами перебрасывать на закладку верфей Петербурга. Все это действия насильственные, порабощающие, не европеистские по сути. Итогом европеизации Петра стал феномен *крепостного рабства*, с кульминацией в конце XVIII века. Форму его не выведешь из русского Средневековья, хотя и тому не чуждо холопство.

Европа служила Петру образцом заимствования, но более того – *стимулом* новой власти. Европейский стимул придал империи целевой динамизм, опираясь на возможность распоряжаться людьми. Из этой комбинации вырастает немыслимый гибрид: свежие люди идут на высшие уровни руководства, одновременно творя интенсивнейшее в Европе рабство. Одна часть кентавра немыслима без второй его части! Разведи по сторонам европеизм и крепостничество, сочтя последнее «архаикой», и рухнет вся модель Российской империи. Модель *рабовладельца-европеизатора*.

– Что здесь нового? В мире были империи, было крепостничество, была система завоевания и удержания власти. Перенос техники тоже был.

– Новыми являются три обстоятельства. Во-первых, нова раннекапиталистическая Европа со всем, что она несла. Сам европейский эталон заимствования – новация, и ею в мировом процессе Петр воспользовался первый. Империи прошлого умели кое-что брать у других и встраивать в себя. Монголы Чингисхана вобрали в организацию Орды китайское стратегическое искусство, налоговую систему, ремесло и многое другое. В русском случае заимствуется нечто беспрецедентное – сама раннеевропейская экспансия, с ее претензией на планету. На целый Мир! Царь Петр заимствует принципиально новый исторический эталон, чего ранее не было. Мир такого не знал, об этом хорошо сказано у Тойнби.

Второе обстоятельство то, что русскую традицию рушит *власть, а не социальная модернизация.* Сама техника ломки патриархальных сдержек состоит в безумном расширении прерогатив единоличной власти. И этот русский процесс европейски современен. Он

сближен с Европой, переживающей начало XVIII века. Уже позади английская революция, и европейский абсолютизм давно не феодальный институт, а нечто заключающее переход во что-то другое.

И третье обстоятельство: рождается русская склонность к тектоническим перестройкам всего. Привыкание к повсеместным ломкам, производимым деспотически. Спазмы раздвигания прерогатив верховной власти, в особенности ее «права» распоряжаться душами людей, явление также новое. Оно и останется в итоге.

13. Декабристы в семейном споре с империей. Антисамодержавный европеизм. Пестель: проект термидорианской революции

– Сама склонность к этим динамическим перестройкам, к ломкам, производимым деспотическим путем, – она откуда? Она спазматически расширяет существовавшие прерогативы верховной власти (в том числе ее прав по отношению к жизням и душам подданных), но в некотором смысле явление новое, как и общий результат, генерирующий государственные дела.

– Но почему эта единоличная власть укрепилась так надолго именно в России? В европейских странах она себя изжила, даже в монархиях.

– То, что вышло в России, трудно обозначить как европейский абсолютизм. Новое явление – организация власти. Со времен царей Ивана IV и Петра власть получила непременную функцию: приводить к единству пространство, населенное разными народами и людьми. Пространство, перенасыщенное способами человеческой жизнедеятельности, которое иначе – при возможностях, известных тогдашнему мировому процессу, – к единству привести было нельзя.

Проведу параллель, важную для понимания аграрных дел. В России после XVIII века и ряда социальных переворотов возникает то, что получило название «дворянская крепостная и полукрепостная латифундия» – земельное владение, находящееся в собственности титулованного владельца. Бывали земельные массивы, исчисляемые миллионами десятин, равные государствам. Обычная советская трактовка: сопротивление помещичьего класса, в руках которого находилась власть, мешала превращению крепостных латифундий в капиталистические хозяйства. Но земельные владения такого размера вообще не превратить в прибыльное капиталистическое хозяйство. И при нынешнем уровне земледелия почти невозможно вести хозяйство на столь колоссальных площадях, их перестройка экономически невозможна. То же и о России в целом: национальная европеизация такого евроазиатского целого была невозможна и в XVIII веке осуществлялась в частичной форме. Действиями власти, располагающей ресурсами приведения к единству всей этой глубоко не единой территории.

Русская власть выступила в новой функции, какой история того времени не знала. Империи колониального типа складывались по другой системе: метрополия и отдаленные от нее колонии. Здесь же империя представляла сплошную территорию, где старые уклады и различные этносы перемежались с русской крестьянской колонизацией. Во многих случаях стимулируемой властью. Власть шла по пятам колонизации, осваивая ее результаты. Такая Россия представляет собой целое, аналогов которому – при сходных обстоятельствах – тогдашний мир не имел.

Что тут понималось под европеизацией? И почему новое русло этой европеизации выступило против власти? Оппонируя ей, сперва частично, затем воплотившись в виде того, что получило имя «движение декабристов». Декабристы – это заявка на *другой* европеизм при обстоятельствах, неотделимых от мирового процесса. Декабризм неотделим ни от Французской революции, ни от Наполеона как ее продолжателя и наследника. Наследие Французской революции, представленное Наполеоном и его триумфальными маршами, встретило сопротивление со стороны России. Первые дворянские революционеры – люди, которые были победителями Французской революции в ее наполеоновском финале. И тут совершенно своеобразное вхождение русского процесса в европейский и мировой! Из одних лишь внутренних обстоятельств России декабризм не вывести.

Непосредственное соприкосновение с «европейским человечеством» органично для России. Пожалуй, нигде мировой процесс в то время не входил в страну столь прямым образом, наталкиваясь на идейное сопротивление из глубины ее самой. С этой точки зрения декабристы – и авангард России, входящей в Мир, и люди, обреченные на непризнание той Россией, что сопротивлялась вхождению. Их поражение – важный факт европейского и мирового процесса, а не только «неудача первой революционной попытки в России». Это сильное и сложное явление, в результате которого возникнет многое, что затем, претворяя идеи в действие, определило облик русского XIX века.

Декабристы – люди, предельно сосредоточенные на России. У Пушкина есть строчка о Николае Ивановиче Тургеневе: «Одну Россию в мире видя, / Преследуя свой идеал, / Хромой Тургенев им внимал / И, плети рабства ненавидя, / Предвидел в сей толпе дворян / Освободителей крестьян»[17]. Кстати сказать, Тургенев – один из наиболее европеистских декабристов и отнюдь не изоляционист. Эту строку – «одну Россию в мире видя» (следовательно, и мир надо видеть при этом) – я бы поставил эпиграфом к рассмотрению. Но думаю, еще больше эти пушкинские слова применимы к Пестелю.

Сейчас незачем толковать «о декабризме» вообще. Стоит критично отнестись к понятию, которое включает в себя якобы единый процесс от начала и до конца. Следует помнить, что в день 14 декабря 1825 года на Сенатской площади со стороны Николая было больше участников декабристских организаций, чем со стороны восставших! Считается, что примерно 10 процентов всех дворянских фамилий России так или иначе причастны к свободолюбивому движению, хотя по-разному и на разных этапах.

– Получается, декабристы действовали, руководствовались только идейными соображениями? Были ли у них свои интересы? Вот американская революция была потребностью экономической, а в России все работают за идею?

– Вопрос хороший. Был ли тут заложен их личный интерес? Конечно! Невозможность для поколения людей после победы 1812 года вернуться к нравам и атмосфере вертикального рабства. Невозможность существовать в прежних обстоятельствах. Не забывай, что поколение победителей Наполеона – сплошь молодые люди. Они начинали добровольными поборниками Александровых преобразований. Рассчитывали, что царь-победитель, сыгравший столь существенную роль в Европе, не выдавший Францию на растерзание европейским монархам и отчасти сохранивший в ней результаты революции, будет соответственно действовать в России. Александр их разочаровал в обоих своих ликах – как «император Европы» и как человек, устроивший внутри России антипод всему, что пытался делать в Европе.

Болевым пунктом, вызвавшим энергический взрыв негодования, впервые породив идею цареубийства, было стремление Александра дать конституцию Польше: что же, Россия не доросла? России не дано то, что положено Польше? Из-за этого впервые Якушкин вызвался убить царя! Да еще польский слух дошел в такой редакции, будто Александр, предвидя сопротивление дворянства своим полонофильским проектам, чтобы заранее сломить их сопротивление, собирался освободить крестьян внутри России!

Взять самого глубокого и радикального и вместе с тем самого книжного из дворянских революционеров, каким был Павел Иванович Пестель. Что, собственно, хотел сделать Пестель в России? Какую задачу он ставил – повторить в России Французскую революцию? Оказывается, нет, Пестель хотел большего меньшими средствами. Он шел дальше Французской революции, желая предотвратить возникновение власти аристократии богатства и наследства. Но, учитывая последующее развитие, он желал достигнуть этого, минуя кровь и междуусобия Французской революции.

---

[17] Пушкин А. С. Евгений Онегин. Строфы из гл. 10, описывают собрания обществ декабристов.

Движение его мысли ярко и, думаю, искренне представлено в показаниях на следствии. Он говорит, что его исходным пунктом было отрицательное отношение к Французской революции. С другой стороны, наблюденное им явление – Реставрация, как он говорил на следствии, не смогла устранить результатов революции! Оказывается, то, что Реставрация вынужденно сохранила завоевания революции, открыло ему глаза на то, что революция не дурное дело, – его можно и повторить! В лице Пестеля новая Россия молодых преобразователей собралась сокращенно повторить весь цикл европейских классических революций. От форм радикального переустройства до «термидорианских» реформ, при сохранении неустранимых завоеваний при реставрациях. Сохранить результаты преобразования, а с другой стороны, устранить кровь междуусобий. Которые в России, естественно, отягощались для них ужасами недавней пугачевщины.

Перед нами – попытка вдвинуть внутрь России в сжатом виде весь мировой процесс, каким тот представлен Европой. Вдвинуть так, что в результате получается видоизмененный его феномен, доведенный до точки, где начинается революционная критика его результата. Предотвращая «аристократию богатства» (слова Пестеля), он вместе с тем очищен от кровавых пороков французского прецедента. Итог приобретает форму беспрецедентного повторения – Россия политически реконструирует «европейское человечество». По крайней мере, способом осуществления.

У Пестеля был интересный спор с Рылеевым насчет Наполеона. Очень плохо относившийся к Наполеону Рылеев сказал: «Не дай бог, чтоб и у нас завелся Наполеон!» Впрочем, нам это и не грозит – мол, умный человек, желая быть преобразователем, будет скорее Вашингтоном. На что Пестель сказал: «Конечно, лучше так, но если суждено, что начатое нами дело приведет к новой тирании, то лучше пусть это будет тирания Наполеона! В таком случае мы будем сильны…» Это неслучайное и интересное его высказывание. Пестель был сторонник превращения постреволюционной России в крупную и сильную державу – не менее, а то и более могущественную, распространяющую свое влияние далее, чем при Александре. На некоторые изменения, касающиеся положения части Польши, он шел со скрипом и только для привлечения польских революционеров на свою сторону. Его интересы распространялись и на балканские дела. По мере того как усиливались разногласия среди самих декабристов, Пестель видел опасность междуусобия и думал предотвратить ее сильной революционной диктатурой Временного правительства – в сущности, на неограниченный срок.

Пестель – это уже постдекабризм внутри самого декабризма. Перед 14 декабря он переживал острый кризис и почти уже собирался уходить из движения.

14. Пестель против Петра. Царь Николай, душеприказчик повешенных. Идея «второго Петра» – прообраз партии-авангарда

– Можно сказать, что у декабристов задача была общей с Петром – прогнать русскую историю ускоренным темпом и встроить ее в европейскую систему? Разные методы, разный уровень сознания, но задача одна – догоняющая?

– Импровизация Петра вытекала из обстоятельств его воцарения, развертываясь далее в его персоне, при полной распорядительной власти над судьбами и существованием людей. В чем была цель царя? Произвести ломку патриархальных препятствий и начать перенос умений, подчиненный целям великой державы, раздвигающей пределы и границы. Царь Петр начинает импровизацией, и осознание цели возрастало у него по ходу дела. Я говорю «у него», поскольку самый тщательный просмотр всего совершенного показывает, что инициативы исходили только от него.

У декабристов же дело шло в обратном порядке. В начале интенсивная духовная работа самосознания, обращенная затем от себя к России и оборванная импровизацией 14 декабря 1825 года. Событие на Сенатской площади находится в поразительном разрыве с предшествующим ему духовным процессом. Попытка использовать междуцарствие и с помощью обмана солдат осуществить цель в виде импровизированного компромисса между несколькими революционными проектами. Правда, компромисса удивительного, проект князя Трубецкого[18] великолепен. Но финал 14 декабря 1825-го имел характер импровизации.

Оттого процесс декабризма приобрел трагический итог. С одной стороны, из политики ушло поколение внутренне свободных людей. С другой стороны, импровизация вытолкнула на арену царя Николая, а тот стал спазматически быстро возобновлять вертикальное рабство. Но декабристы дали ему сильный толчок – проектами и идеями, аккумулированными царем по ходу следствия. Началось строительство бюрократически-распорядительной империи, притязающей на роль арбитра Европы.

Любопытен для этого нового режима его *акцент на России.* Известно высказывание Николая о том, что он чувствует себя защищенным от «мерзостей века» только в глубинах России, опираясь на русскую толщу. В этом заметен его имперский постдекабризм, без чего не понять, как Пушкину видится в царе Николае «второй Петр». Сразу в нескольких ролях – и как *преобразователь* России, и как *прекратитель* разрушительно-лихорадочного стиля Петра Великого. У Пушкина мы встретим надежду увидеть в деятельности царя Николая «контрреволюцию революции Петра»: поразительное выражение!

Так возобновляется вся коллизия: кто придаст России новый вид, если к единому основанию она приводима только средствами всеподавляющей власти? Вопрос, который внутри декабризма полемически ставил Пестель[19] и который практически поставил царь Николай Павлович. Отсюда перекличка попыток русского XIX века вернуть России историю, отняв у империи человеческое пространство. Сделать Россию территорией органического, спонтанного исторического движения средствами не менее сильными, чем обладает власть, у которой это пространство отнимают. Отнять человеческое у имперского – но *как*?

---

[18] Никита Михайлович Муравьёв (1795–1843) был одним из лидеров Северного общества декабристов в Санкт-Петербурге, выступавшего за конституционную монархию, ограниченную представительной властью, избрание в органы которой происходило на основе большого имущественного ценза, и федерализм.

[19] Павел Иванович Пестель (1793–1826) – лидер Южного общества декабристов в Киеве, выступавшего за введение в России республики, а также более радикально, чем «северяне», призывавшего решить «земельный вопрос».

Тут и появляется «Пестелев вариант». Пестель стремился к диктатуре, чтобы подавить двойное сопротивление. Сопротивление дворян, в отношении которого наперед полагал прибегнуть к смертной казни помещиков, буде те воспрепятствуют аграрному преобразованию. Но конечно, Пестель не постеснялся бы в репрессиях против крестьянской неопугачевщины. По мере усиления разногласий в среде декабристов Пестель особо выделяет угрозу междуусобия. Угрозу думал отвратить сильной революционной властью – диктатурой Временного правительства, в сущности, на неограниченный срок.

Пестель пытался аккумулировать исторический прогресс, в Европе эшелонированный по целям, фазам и ступеням. Аккумулировать в его критическом результате, предотвращением «аристократии богатства». Средствами власти отсечь пагубные стороны междуусобия и реставрации. Пестель скорее готов был допустить в будущем реставрацию с «русским Наполеоном», чем междуусобия в своей среде. Поскольку реставрации сохраняют для страны результаты прошлых преобразований, а раскол авангарда – нет!

Возможен ли *второй Петр*? В Пестелевом варианте переустройства России нет разрыва между политической революцией и социальной реформой. Аккумулирование европейского цикла превращает европеизацию по Пестелю в непрерывное перманентное действие внутри России. Действие, совершаемое *одним историческим субъектом,* например тайным обществом декабристов, выступающим как новая власть. Предпочтение, которое Пестель оказывает «русскому Наполеону» и даже будущему реставратору монархии, если тот сумеет сохранить результат, идет в этом плане. Пестелев мотив, это его революционно-термидорианское уравнение, пройдет сквозь весь XIX век.

Часть 3. Кейс «русский XIX век»

15. Речевая революция XIX века. Дружеская переписка о Боге и пустяках. Русское слово стало поступком: Чаадаев и Герцен

– Я редко касаюсь случившегося на Руси до XIX века. Но обрати внимание на особенности русской истории, известные, однако выпавшие из поля зрения. Например, такая: современный англичанин читает Шекспира без словаря, как итальянец читает Данте. А у нас и Радищева[20] человек читает с трудом, нуждаясь почти в переводе. Тот церковнославянский литературный язык, на котором писал и, соответственно, думал XVIII век, – это другой русский язык. Современному читателю он малодоступен. Русская речевая жизнь, речевое существование для нас начинается с конца XVIII века, а XIX век – это уже наши современники.

– Так изменились жизненные понятия?

– Язык изменился! Спазматически быстро, с исключительной быстротой прошли изменения всей фактуры языка. Простонародная речь потеснила высокий штиль, и деление на высокое и низкое стало уходить. Соответственно раздвинулись рамки языка. Язык, созданный Пушкиным и в пушкинское время, вмещал в себя неизмеримо больше содержания в разных проявлениях, чем язык XVIII века. Целая языковая революция, без понимания которой русской истории не понять.

Шел процесс такого видоизменения русского языка, чтобы он смог точно выражать наблюдения и вместе с тем открылся для философского мышления. Все совершилось в считаные десятилетия XIX века, в малом промежутке от Чаадаева[21] до Герцена[22]. Чаадаев писал только по-французски, а в Герцене, космополитичном от рождения, процесс индивидуально завершился. Он пишет уже по-русски, сделав русский язык способным передавать философские нюансы. Тургенев[23] говорил Герцену: ты гениально безграмотен! Герцен произвел такие перестановки в структуре русского языка, которые, нарушая грамматические каноны, сделали возможным стремительный ход постигающей мысли, богатой оттенками.

– То есть, когда писал Чаадаев, русский язык был негоден для отвлеченного мышления?

– Ему нужно было проделать работу над собой. Пушкин сделал русский язык способным вмещать разные содержания в одном тексте, свободно переходя от будничного сюжета к истории. Чаадаев писал Пушкину: пишите по-русски, мой друг, – вам это можно! Например, письма Пушкина жене. Пока Наталья Николаевна была невестой, Пушкин писал ей по-французски, но жене он пишет только по-русски. Переписка Пушкина с женой – чудо свободы речи, нестесненно переходящей от буднично житейского и интимного к движениям мысли.

За ними придут новые люди, бурный период закончится, и речь пойдет чаще о содержании, чем о форме. Но для отцов русской языковой революции гигантски значима форма!

---

[20] Александр Николаевич Радищев (1749–1802) – русский прозаик, поэт, философ. Основное произведение «Путешествие из Петербурга в Москву» издал анонимно в 1790 г. Поэты Данте Алигьери (1265–1321) и Уильям Шекспир (1564–1616) жили задолго до Радищева.

[21] Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856) – русский философ и публицист.

[22] Александр Иванович Герцен (1812–1870) – русский философ, публицист, писатель.

[23] Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883) – русский писатель, публицист, драматург, переводчик.

Я как-то внимательно читал «Былое и думы»[24], академическое издание, глядя в комментарий, и обратил внимание, что цитаты Герцена *все неточны*. Притом известна его гигантская память – тут итальянское слово, там французское, немецкое, русский стих… не будет же он всякий раз лезть на книжную полку и сверять цитату? Но что интересно – личные письма жены к себе он тоже переписал! Кажется кощунством: жена ушла от него и погибла, страшная драма. И что же, редактируя ее письма, Герцен опускал что-то ему неприятное? Нет! Вся правка связана с тем, как он внутренним ухом улавливает ритм фразы. Для него письмо должно быть выслушано, как симфония, – со своей увертюрой, сквозными мотивами, отступлениями. Это индивидуальная особенность таланта, одновременно философского и художнического.

Философия в русскую речь вошла ритмом. Важный момент русской речевой революции – новая стихия речевого существования. В ее рамках возникала связь отдельного человека и маленького кружка близких людей: сам-два, сам-пять – с Россией в контексте мирового процесса. Вот человек Белинский – как ни замечательны его статьи, переписка еще интересней. Люди его кружка пишут письма-исповеди тетрадями, на одном дыхании. Затрагивают все что угодно. Переходя от Бога к предметам, где принято ставить отточие, употребляют слова, неприличные в литературном обиходе.

У самого Герцена есть выражение *логический роман*[25]. Он считал, что мы еще только начинаем переживать – очень точное русское выражение! – свой логический роман. Так форма обращения мыслью к другому человеку (в контакте с немногими, на кого рассчитываешь, что поймут) – форма, близкая к существу художественного творчества, – плотно вошла в русское мышление. Эта языковая революция сделала возможным сближение философии с историей и личного поступка – с действием в масштабе России. Мы страна, где история с самого начала выступала как философия. Один человек, и от него сразу – Россия, соотнесенная с мировым процессом. Та к пошло от Чаадаева и разовьется у Герцена.

Вот ход русского сознания. Ставя цель, человек *знает*, что он ставит цель, и, зная это, он и себя подвергает сомнению как субъекта действия. Держит в поле умственного зрения, рассматривает себя как фигуру в историческом процессе. Может быть, очень маленькую фигуру, лишь частицу. Но частицу, соотнесенную с мировой сценой истории, с гигантским пространством развития.

---

[24] «Былое и думы» – мемуарное произведение А. Герцена. Начало работы над книгой датируется 1852 г., вскоре после смерти жены Герцена.

[25] Логический роман – герценская формулировка для оценки жанра собственного творчества.

16. Чаадаев ставит русский вопрос. Из невозможности – к соавторству Богу. Предреволюция одиночки

– Вопрос о России в обнаженной, мрачной форме пророческого откровения ставит Чаадаев, который считает, что она находится вне истории. Но не по типу Востока, до истории еще не дошедшего. Россия вне истории, поскольку была ввергнута в *несамостоятельную близость* средствами власти. Мы не проработали метаморфоз, которые прошел Запад. В русском исходном пункте Чаадаев видит *не отставание, а искажение*. Отсюда мрачность оценки ситуации в целом: для возвращения в историю нет импульса.

Ход рассуждения Чаадаева интересен в том смысле, что история людей для него – осуществление Божественного плана, но протекающее в формах нравственного разума, который творят люди. Отдельная личность может воспроизвести «воспитание рода человеческого» биографически, своей духовной силой. Явное противоречие: Божественный план, движущий людьми, и нравственный разум, который творят они сами. Связь полюсов Чаадаев проводит через свою оригинальную идею *времени.* Время не создано Богом – Бог его «препоручил людям». Если народ выпал из Божественного плана, его не существует: выпадение есть небытие. Потому он и завершает свое первое философическое письмо пометкой: Некрополис, город мертвых. И на этом поприще у него спор с Пушкиным.

Чаадаев, однако, продолжал искать выход из положения. В восьмом из «Философических писем», впервые опубликованном в 1934 году, и в «Апологии сумасшедшего», которую опубликовал Чернышевский, он приходит к новой мысли (от которой далее пойдет Герцен): у России единственный способ вернуться в историю – став соавтором Божественного плана. Все русское политическое будущее заложено в этом чаадаевском ходе. Догнать нельзя, но можно стать *соавторами* универсального проекта – другого хода нет. От исторического небытия можно перейти только в соавторы мирового Плана. Эта идея и есть чаадаевский вопрос.

– Что-то не пойму: как можно стать соавтором Бога?

– Чаадаев говорит языком, на котором говорили библейские пророки: языком откровения. Сохраняя идею Промысла, он выдвигает идею активного формирования людьми нравственного разума, имеющего собственную историю. Связка – через идею времени, которое препоручено людям: найдите способ овладеть временем! В XX веке это переформулируют прозаически: переступим через капиталистическую формацию, срезав историческую фазу.

Погляди, как идет русский путь, – от одинокого человека. Человек Чаадаев, объявленный сумасшедшим, с его рукописями, всем почти неизвестными, кроме напечатанного первого письма, где он всему говорит «не т», – это все, что у него расслышали! Зато он оказывает влияние на единственного человека, Герцена. Ставший эмигрантом, тот находит силу стать первым *нелишним* человеком на Руси. Пройдя через Чернышевского, идея плотнее смыкается с действием, вырастает движением разночинцев, которые вполуха слыхали о Чаадаеве. Мыслящее движение расширяется сперва в рамках народнической интеллигенции. Но ей на смену в 1905 году придут миллионы крестьян, и обнаружится, что и те говорят народническим языком! Сентябрь 1917-го: снова отдельный человек Ленин, прячущийся от Временного правительства, взяв экстракт крестьянских наказов в свой Декрет о земле, одерживает в октябре немыслимую победу.

Так мыслящее движение в 1917-м повстречается со спонтанной импровизацией миллионной массы крестьян-солдат и доживет до моего поколения, – которое имя Чаадаева знало только по стихам Пушкина, не читая ни одной чаадаевской строчки! Конечно, это пунктир

с гигантскими разрывами. Навсегда утрачивается само это поколение внутренне свободных людей. Остается идея, как из поражения вышла новая русская история, – силой ее соавторства мировой. Но у Чаадаева это прозвучало впервые: рывок из полной безвыходности к предельной возможности! *Невозможность* – вот фундаментальное понятие, которое Чаадаев ввел в русское мышление на век вперед. Овладев ею, люди открывают в себе внутренние ресурсы для еще не ведомых им возможностей. Теперь они уже не рабы.

17. Страшная близость декабристов к народу. Два рабства, вертикальное и горизонтальное

– Откуда вышло поколение людей, для которых проблема рабства стала средоточием политической мысли? И почему философско-историческая мысль развернула вопрос о рабстве в вопрос о шансах России вернуться во всемирную историю?

– Началось в лице Чаадаева, но далее будет во многих лицах. Позволю маленькую параллель. В Древней Греции рабов было немного, особенно если сопоставить с Римской империей. Но, как известно, вопрос о рабстве болезненно остр для эллинской мысли, а не для римлян. Платону и Аристотелю было важно выяснить, нормально ли рабство? Можно ли его обосновать умственным ходом, касающимся природы мира и человека? Для русского сознания проблема мужицкого крепостного рабства становится острее по мере того, как холопство дворян убывает. Но дворянское сознание не стало представителем крестьянских интересов. Речь о более сложной связи, двойственности самого рабства в империи.

Было *вертикальное рабство* по формуле Чернышевского: сверху донизу все рабы. И было *горизонтальное рабство* крестьян, в крепостной зависимости от владельцев, которых с этой точки зрения можно именовать душевладельцами и рабовладельцами. Эти два рабства сложно соотносятся друг с другом. В XVIII веке шло ослабление рабской вертикали, притом что горизонталь, наоборот, ширилась и укоренялась. Во времена Екатерины, после пугачевщины, дворянин стал посвободнее в отношении к стоящей над ним самодержавной власти. Зато горизонтальное рабство крестьян стало массовым за счет расширения на Украину, юг и приобрело злостные, интенсивные формы. Теперь сохранение крепостного горизонтального рабства заостряло переживание вертикального русским политическим сознанием.

– А почему при ослаблении вертикального рабства горизонтальное усиливалось?

– Это связано с ростом империи после Петра. В орбиту вовлекаются новые контингенты населения. По логике унификации державы, где все сводится к одному-единственному основанию власти, нивелировка людских массивов идет по «эталону» крепостного великорусского населения. И хотя петровские преобразования, спустя век переворотов и превращений, приведут к рождению самостоятельной русской мысли, ближайшим их результатом стала интенсификация рабства.

Чем ослаблялось вертикальное рабство дворян? Тут сложение ряда факторов, прежде всего, европейских революций. Сложное развитие, стороны которого завязаны на тенденциях, выводящих за пределы России. Вытекающих из роста империи, ее реакции на революционную Европу, с извлечением опыта дворцовых переворотов XVIII века. Сперва империя участвует в попытках подавления Французской революции, а вскоре сама революция через Польшу стучится в русскую дверь. Явился Радищев. Эти соображения приводят Екатерину и самодержавную власть к идее, что отдаление дворянства от престола есть профилактика революции. И в силу комплексов самодвижущей махины власти идет отдаление той части дворян, которые вместо жительства в столицах укореняются по имениям и поместьям, становясь местными жителями. Помещик владеет душами, разбросанными по разным территориям. Появляются новые навыки власти – та становится целью для самой себя, но на несколько новых основаниях.

– Но отчего вопрос о рабстве так ранит образованную русскую публику?

– Здесь надо прощупать русскую историю на молекулярном уровне, а не только на событийном. Как проблема рабства стала для образованных русских фактом, к которому они относились все отрицательнее? Рабство стало фокусом повседневности, в котором концентрируется зло русской жизни – и в этом свете они начинают рассматривать свое призвание, даже личное отношение к Богу – почему?

Чтобы дать это несколько ощутить, прочту фрагмент из второго философического письма Чаадаева к женщине – лирическому адресату всего произведения. «Мы являемся в мир со смутным инстинктом нравственного блага, но вполне осознать его мы можем лишь в более полной идее, которая из этого инстинкта развивается в течение всей жизни. Этой внутренней работе надо все приносить в жертву, применительно к ней надо установить весь порядок вашей жизни…»[26] – и так далее и тому подобное. И дальше: «Вам придется себе все создавать, сударыня. Все! Вплоть до воздуха для дыхания, вплоть до почвы под ногами, и это буквально так. Эти рабы, которые вам прислуживают, разве не они составляют окружающий вас воздух? Эти борозды, которые в поте лица взрыли другие рабы, разве это не та почва, которая вас носит? И сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе одно слово “раб”. Вот заколдованный круг, в нем все мы гибнем, бессильные выйти из него. Вот проклятая действительность, о нее мы все разбиваемся… – И так далее, дальше. – Эта же язва, которая нас изводит, в чем же ее причина? Как могло случиться, что самая поразительная черта христианского общества как раз именно и есть та, от которой русский народ отрекся на лоне самого христианства, откуда у нас это действие религии наоборот?»

Вот крик души Петра Чаадаева. Когда он говорит, что существование рабства превращает нас в ничто, что рабство – это «религия наоборот», он идет гораздо дальше критики крепостничества. Политический факт вырастает у него в покушение на человека в нем самом. Ведь это написано в 1829–1830 годах, после поражения восстания 14 декабря, при царе Николае… Острота сознания собирает в фокус все, касающееся смысла жизни и истории вообще. Невыносим самый факт крепостного рабства в стране, которая одержала победу над Наполеоном и была в лидерах европейского процесса. Как Россия распорядилась своей победой?

Декабризм оборвался первым крупным поражением мыслящей дворянской среды и протообщества, которое в этой среде возникло. Попытка декабристов разом преодолеть вертикальное и горизонтальное рабство, продвинув Россию в строй цивилизованных наций, привела Николая к системе, возобновляющей уходившее вертикальное рабство. Поражение декабристской мысли материализует тему рабства в николаевской системе, также возникшей из поражения 1825 года и выстраиваемой властью-победителем.

Они дети отцов, уже начавших выходить из ситуации вертикального рабства. Поколение детей, которые чаще, чем их предшественники, росли в обстановке русской усадьбы. Специфична психологическая среда помещичьего дома, русского барского бытия. Думаю, Западная Европа такого уклада жизни уже почти не знала, феодальные поместья с крепостными остались в ее прошлых веках. Кроме того, Европа всегда знала и другие отношения, выходящие за рамки феодальных.

А в России одно рядом с другим. Вот мальчик Герцен. Он воспитывается при участии гувернеров-воспитателей, берет любые книги из библиотеки отца и дяди, свободен в мире идей. Очень рано, ребенком, приобщается к мыслям, к которым в других условиях приобщаются в зрелом возрасте. Мальчик вхож в помещения, где живут дворовые. Он знает их козни, слушает их песни, приобщен к их будням. Непосредственность перехода, при которой он читает «Орлеанскую деву» Вольтера, а через полчаса слушает любовные истории дворовых, участвует в их взаимоотношениях. Этот совершенно особый уклад жизни и развращает, и облегчает нестесненность ума. Ассоциативные связи здесь не разгорожены по классовым статусам, как при раннебуржуазных обстоятельствах у европейского человека.

Молодые люди старшего возраста пережили коллизию антинаполеоновских войн. Они победители – над кем? Над Наполеоном! С другой стороны, бивуак – особенная среда. Общая жизнь молодого дворянина-офицера с русским солдатом, прямое общение в похо-

[26] Чаадаев П. Я. Философические письма (1828–1830). Цитируется фрагмент второго письма. Далее – там же.

дах с крестьянской массой. А есть еще ополчение. В действие вовлекаются не отдельные люди, а целые слои дворянской молодежи, сливки общества начала XIX века! Генералы – люди какого возраста? 28 лет, 30, 32 года… И мы увидим генерала Михаила Орлова, любимого флигель-адъютанта царя Александра, который принял капитуляцию Парижа и в 30 лет командует дивизией. Орлов позволяет себе строить общеевропейские планы: договорившись с Ипсиланти[27], поднимающим восстание в Греции, своим приказом бросить на Грецию 20 тысяч солдат, мужиков в солдатской форме, и тем заставить царя Александра объявить войну Османской империи! Вот особый уклад личности. И когда говорят про декабристов: «страшно далеки они были от народа»[28], я это отрицаю. Если народ и был от них далек, то они не так далеки от него, как кажется.

[27] Александр Константинович Ипсиланти (1792–1828) – российский генерал, руководитель Греческой революции (1821).

[28] Ленин В. И. Памяти Герцена (1912).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.